

Свет во мраке

Автор:

Дем Михайлов

Свет во мраке

Дем Михайлов

Мир ИзгояИзгой #8

За последние двести лет Дикие Земли не знали подобных потрясений. Все больше чужаков бесстрашно вторгаются за Пограничную Стену, спеша укрыться от гнева нового короля воссевшего на трон. Собравшиеся в огромную армию шурды следуют за восставшим из мертвых Тарисом Некромантом. Барон Корис, во главе небольшого отряда, спешит за Некромантом, жаждая исправить невольную ошибку и уничтожить Тариса окончательно. Уничтожить или пасть в бою.

Дем Михайлов

Свет во мраке

Часть первая

Первые восходы

Глава первая

Новые соратники по оружию

Что ты приобретаешь когда на твою сторону встает три десятка крепких гномов, похожих на пылающие от застарелой ненависти угли покрытые дымящейся кожей?

Необычный вопрос.

Но с вполне очевидным ответом – твоя сила растет! Ведь на твоей стороне прибавилось воинов! Тридцать! Тридцать вооруженных воинов примкнули к тебе! Значит, ты только выиграл от этого! Возможно,... но я не стану соглашаться так уж безоговорочно, ибо суровая жизнь быстро опускает с небес на землю.

Однажды я уже успел вдоволь «насладиться» «умением» гномов преодолевать большие расстояния пешим ходом и остался впечатлен навсегда. Гномы ходить... не умели. Не с их от природы короткими ногами, больше рассчитанными на крутые подъемы и спуски. Там где человек выглядел как глупый кузнечик со сломанными ногами, коротышка гном казался верхом грациозности.

Поэтому, еще до того как мы двинулись в путь, я уже начал рассчитывать на худшее, живо помня те невыносимые мучения, что нам пришлось преодолеть, когда мы впервые путешествовали с гномами. Но я никак не мог рассчитывать, что все окажется настолько плохо! Клан Медерубов, хитростью и обманом плененный неизвестными людьми почти два века назад все эти годы провел в одном и том же месте, каждый день, совершая один и тот же путь – от грязной клетки до места работы, а затем обратно. Передвигались они мелкими шажками из-за опутывающих ноги цепей, усталые головы склонены к земле, на опущенных уныло плечах лежит тяжелый инструмент... и так всю жизнь, от юных лет до последнего вздоха. И вот он закономерный печальный результат – ходоки из них никудашные. Совсем никудашные.

Чтоб меня... коротышки выдохлись спустя два часа довольно-таки неспешного пути, причем шагали мы не по буеракам, а по ровнехонькой песчаной дороге! Здоровые жилистые мужики запалено хватали ртами воздух, утирали обильный пот, начинали спотыкаться и так сильно загребать ногами песок, что казалось, будто отряд идет на лыжах по глубокому рыхлому снегу! Но гномы не

сдавались! О нет! С их лиц не сходила упертая решимость идти до конца, шагать до предела, до самой смерти! Эмоций бывшие рабы не скрывали, и посему я мог сполна насладиться зрелищем набыченных злобных доходяг бредущих по бесконечной дороге...

Но!

Я с глубоким уважением отнесся к тридцати боевым гномам, что только-только сбросили рабские колодки, но уже похватали оружие и рвутся в бой. С каждым шагом их силы угасают, но их решимость только разгорается – один подпирает плечом другого, третий забрал щит у зашатавшегося соседа, пятый, что хромает уже на две ноги, вцепился в пояс впередиидущего, его лицо налито кровью, но он шагает через силу, шагает через боль.

– Привал! – зычно командует Рикар.

Второй привал за сегодня, за каждый переход преодолеваем чуть больше лиги. Большая часть гномов падает вповалку. Раздается дружный облегченный стон. Но огромный Рикар, выглядящий рядом с коротышками как штурмовая башня на фоне глиняных хижин, не дает им лежать спокойно, врезаясь в их ряды и продолжая отдавать команды:

– Разуться всем! Всем! Проверить ноги! Ощупать каждый палец на ногах, проверить пятки! Если узнаю, что кто-то стер ноги, но решил утаить это, то клянусь – выбью ему пару зубов! И бить буду не рукой, а той самой стертой пяткой! И мне плевать, если вы думаете, что пятка не дотянется до тощей хари – дотянется! У меня и раньше получалось такое с наглыми юнцами, получится и сейчас! Разуться!

И Медерубы, сидящие прямо на дорожном песке, покорно разувались, более того – смотрели на Рикара с нескрываемым... если не обожанием, то близким к нему чувством. Так преданная собака смотрит на любимого хозяина. Гномы прониклись этим чувством сразу, ведь именно Рикар был тем, кто сбил большую часть цепей, кто первым ободрил пусть грубым, но не равнодушным словом, кто, стиснув топор, пообещал, что мы выпустим кишки всем ублюдкам посмевающим сотворить такое с неповинным мирным родом. Рикаром руководила праведная ярость, он родом из огромного леса, где всем приволье, где нет рабов, а люди чтят природу. Ну и самая главная причина – слабым и отчаявшимся, тем, кто

только-только получил надежду, нужен кто-то сильный, тот, за кем захочется пойти судьбе навстречу. Плечо к плечу, направив топоры и копья на общего врага.

То есть – гномам нужен был сильный и властный лидер, а кто лучше подходит на эту роль, как не бородатый огромный освободитель вооруженный громадным боевым топором – причем непростым, а выглядящим вышедшим из кузницы первейшего мастера. Верно. Годится только Рикар – вечно недовольный, злой, памятный, но при этом всеми любимый.

А как же я?

Ну,... я, наверное, во многом соответствовал нарисованному образу. Я лидер, выгляжу внушительно, даже страшно, моя сила больше чем у обычного человека – я куда сильнее Рикара. К тому же показал себя матерым убийцей и уничтожителем поганой нежити. В общем – настоящий лидер и пример для подражания. Вот только не «пыхает» от меня грубой теплотой Рикара. От меня тянет ледяным опасным холодком, ощущаемым не кожей, а самой душой. Да и мои злобно светящиеся глаза за узкими щелями смотровых бойниц шлема... в общем – Рикар гномам понравился больше!

А меня они с глубоким уважением... старались не замечать, хотя их глухая опаска ощущалась мною постоянно. Им надо привыкнуть. Медерубам никто не стал говорить, что в недалеком прошлом я был точь в точь как замороженный насквозь мертвяк, да еще и с клубком ледяных щупалец на загривке – но скоро пытливые гномы узнают и это. Благо их главный и бездонный источник сведений прямо под рукой – неугомонный Тикса, великолепно знающий родной гномий язык, любящий поболтать, обожающий хвалиться. Не прошло и часа с начала похода, как все натужно пыхтящие от усталости Медерубы уже знали, что вообще-то, топор Рикара раньше принадлежал бравому гному Тиксе, но он его Рикару... великодушно подарил..... Ага. Я отчетливо помню, как именно произошел процесс дарения – тоненько верещащий гном повисший на топорщице оружия и возмущенно взывающий к справедливости, но получающий лишь подзатыльники.....

Вскоре отправившиеся с нами в путь десятки гномов из рода Медерубов узнают, что я бывшая нежить или же был на нее похож. И не думаю, что это добавит ко мне симпатий с их стороны. Ведь пару веков одним из бастионов охраны рабов были ужасные мертвяки. Но Подгорный народ понять сложно. Вон у «моих»

гномов на берегу подземного озера стоят несколько моих статуй в полный рост. И щупальца на одном из изваяний изображены детально, грозно, страшно. Коротышки вообще уважают силу,... но это «мои» коротышки – боевые непоседы рода Чернобородых. А Медерубы рождены в неволе и это первый день их свободы, после десятилетий вечного страха. «Моих» гномов воспитали в храбрости и чести с момента рождения. Этих же воспитывали рабами.... Разница в их поведении и в мировоззрении очевидна.

Особенно явно это проявилось в момент, когда я объявил, что со мной отправятся только самые сильные и выносливые из бывших рабов, а остальные пойдут к далекой гранитной скале Подкове, где расположено наше поселение. Там их встретят, обогреют, подлечат, предложат постель, еду и даже новый дом – коли захотят остаться с нами.

Я ожидал взрыва возмущения – и он последовал, но больше был похож на вялое пыхтение, а не на яростный рык отчаянных берсеркеров. А некоторые из Медерубов, особенно изможденные и покалеченные, не сумели скрыть искреннего облегчения. И не из страха за жизнь радовались они, понимая, что искалеченные ноги и руки стали залогом их отправки домой. Нет. Они просто... ничего не хотели, кроме разве что одного большого желания – желалось им пожить в тепле, уюте и спокойствии. За долгую жизнь в рабстве они устали от страха, холода, голода, боли, унижения и других невзгод. И я их понимал. Посему устроил жесткий отбор, отметя больше половины из мужчин Медерубов, отобрав лишь тридцать гномов. Оставшиеся четыре десятка медленно пошли к Подкове, ведомые двумя из моих людей.

Мужская половина рода Медерубов согласилась на все мои условия.

Первое – полное подчинение мне всех тех, кто отправляется по песчаной дороге ведущей в страшную неизвестность.

Второе – повторение первого условия.

Третье – повторение второго условия.

К тем, кто нестройной колонной потянулся к нашему родному поселению, я никаких требований и условий не предъявлял. Ни к чему. Там в Подкове есть Койн. Главный среди гномов, властный, умный, жесткий предводитель рода и

лидер подземного Града у Озера, куда и отправятся все освобожденные коротышки. Он быстро вправит им кости, суставы, а заодно и мозги, показав, что живется здесь хорошо, безопасно, что все здесь братья по крови и у всех равные права и столь же равные обязанности. Так что я не стал засорять голову ненужными думами, положившись во всем на Койна.

Уже в пути я получил очередную весточку из дома, чему несказанно обрадовался. Не читая послание, быстро написал подробное письмо и отправил едва передохнувшую птаху обратно домой. В письме указал, что к Подкове идет большой отряд из гномов, ведомый нашими людьми. Идут неспешным вялым шагом. Есть волокуши, есть запас еды. Десять трофейных лошадей обнаружившихся в вырубленной в скале конюшне – но лошади дрожащие, переполненные зябким страхом, приседающие, бешено вращающие глазами. Пока мы их не вывели из гранитного массива, лошадки и фыркнуть не смели, лишь прижимали уши и беззвучно скалили зубы в сумасшедшей улыбке – то еще зрелище. Пропитанный чем-то ужасным древний камень внушал дикий страх всему живому. Разве что я остался равнодушным.

В послании я просил спустя четыре дня после получения сего письма отправить им навстречу большой и хорошо вооруженный отряд, с подкреплением в виде живой святости – так и написал. Думаю, отец Флатис поймет мою тихую насмешку и отправит с отрядом пару монашков.

Сейчас, если не считать отобранных мною гномов, нас одиннадцать. Я, Рикар, Литас, Тикса, два ниргала, два монаха избегающих со мной общаться и несколько воинов. За нашими спинами у выхода из расщелины дотлевал погребальный костер с прахом Туория – погибшего молодого парня нарвавшегося горлом на вражеский меч. Тикса горевал так искренне, что я решил больше не напоминать о его оплошности, приведшей к гибели соратника.

Лошадей у нас осталось восемь, но верховых всего трое – и те разведчики, ушедшие вперед на три полета стрелы. Остальные лошадки идут налегке, Рикар не позволил никому усестись в седло – кроме меня, но я сам отказался. Так же я согласился с просьбой Рикара дать ему «полное дозволение» в руководстве над нестройной гномьей толпой, иначе, как пробурчал зло бородач, толку от тощих недомерков будет ни на грош.

Я разрешил. И сейчас, усевшись на пригорок рядом с Литасом и рыжим Лени, наблюдал за действиями здоровяка.

– Вы мясо! Склирсова тухлятина! – ни с того ни с сего заорал Рикар и валяющиеся на дороги гномы судорожно дернулись – Мясо! Прошли две лиги и повалились! Нemoщь позорная! Подушек пуховых не поднести? Хмельного эля кружечку никому подать не надо?!

– Так этих гномов! – закивал подсевший ко мне Тикса, чем вызвал наши крайне удивленные взгляды.

Поняв наш безмолвный вопрос, коротышка на удивление серьезно пояснил:

– Совсем другие они... не гномы – гоблины в душе!

– О как – хмыкнул я, подавляя тяжкий вздох – Рождены рабами, жили рабами, готовились умереть рабами. Верно сравнил, Тикса. Прямо как наш домашний безногий гoblin с его личным гаремом.

При воспоминании о безногом «домашнем» гоблине рыжий Лени невольно фыркнул, причем в его голосе одновременно прозвучали и легкая зависть – гарем! – и легкое сочувствие – склоки шумные там не затихали. Лишь всемогущая старшая кухарка с ее карательным половником находила на них управу.

– Вот! – воскликнул Тикса – Похожи! Эти смелее, очень смелее, но все равно – есть немножко страха! А сейчас еще больше испугались – по сторонам смотрят, иногда глаза прикрывают, жмурятся, чуть-чуть приседают, головы опущены.

– Это обычно – успокоил я переживающего за столь странных сородичей гнома – Они всю жизнь прожили там, среди высоких скал, в сумраке, в тесноте. А здесь приволье, все проглядывается до далекого горизонта, небо раскинулось во все стороны, свежий ветер валит с ног. Им надо привыкнуть, Тикса. Дай им время. Хотя бы несколько дней. Такими как вы они не станут никогда, слишком глубоко выжжено в их душах клеймо рабского покорства. Но рано или поздно они поднимут головы, и смело взглянут вперед. Поэтому помогай им, дружище, помогай словом и делом. Но не мешай Рикару!

– Потому и сижу тут – вздохнул непоседа – Рикар меня послал туда,... не скажу куда! Отказался от моей очень нужной помощи!

– Сейчас ему важно все их внимание и послушание – успокоил я гнома – Ты ступай и помоги с приготовлением горячего отвара, проверь, не надо ли свежей воды. Лени, рыжий сокол ты мой одноглазый. А чего сидим? А чего поглядываем на всех с пригорка?

– Ой! – подскочил рыжий в смущении – Простите, господин!

– Помоги остальным – попросил я, и Лени поспешил прочь.

Сидящий рядом Литас усмехнулся, побарабанил пальцами по лежащему на коленях луку.

– Сегодня им бы обильный мясной ужин и побольше наваристого бульона – с намеком произнес я, глядя на доходяг гномов.

– Обязательно, господин Корис. И Рикар о том же сказал. Сейчас пусть немного попривыкнут, выдохнутся, пусть в теле застоялая кровь разгуляется, промоет жилки и суставы. А потом хороший ужин и долгий сон. Но завтра с утра они выть будут, господин. Каждая мышца в телах их бунт устроит, болью такой налитой будет, что света белого не взвидишь.!

– Пусть хоть что-то в их телах впервые взбунтуется – мрачно заметил я – Не все же им покорными рабами быть. Пусть бунтуют мышцы, суставы, пусть ноют ноги, пусть пересохшие глотки жадно хватают воздух! Так они смогут познать само значение великого слова «борьба»! И смогут оценить всю его важность! Борьба за жизнь!

– Хм... – Литас задумчиво подергал себя за кончик уса – Красиво сказано, господин. И правильно. А то не гномы, а квашня какая-то расползшаяся.

– Это хорошо – не слишком добро усмехнулся я – Квашня это тесто. А из теста можно вылепить все что угодно. Хочешь – решительных и злобных бойцов. Или умелых старательных работников. А хочешь – оставить как есть, и посмотреть что получится. Лишь усилия и время нужны, чтобы из бывших рабов сотворить воинов. Вот только и того и другого у нас маловато... Литас, помоги Рикару. Он один не поспевает оглядеть гномов. Уверен, что хоть один из наших новых спутников сбил-таки пятки до крови и сумел это утаить, боясь, что его оставят

позади или отправят в другую сторону.

– Слушаюсь, господин – закрихтев, Литас поднялся, закинул лук за спину и пообещал – Мы еще с ним ой как намучаемся.

– Верю – не стал я спорить, глядя, как один из гномов с мукой на лице массирует голени ног.

Посмотрел на другого коротышку, свернувшегося калачиком и мелко дрожащего – от холода ли, усталости ли, от страха перед новым огромным миром ли....

– Гномы, но гоблины в душе – повторил я недавние слова Тиксы – Надеюсь, их желание отомстить за рабство и вернуть родичей столь же сильно, как ничего не забывающая память пещерных гоблинов. Тогда они сумеют преодолеть все что угодно...

До быстро наступившего вечера мы сумели преодолеть еще полторы лиги, после чего Рикар скомандовал остановку на ночлег. Остановившиеся гномы рода Медерубов упали вслед за последними отзвуками зычного рыка здоровяка. Упали тихо, лишь прошелестел по сосновым веткам многоголосый стонущий вздох несущий в себе боль и облегчение. Стоять осталось семеро коротышек – тяжело опираясь на дорожные посохи и рукояти оружия, накренившись, понутив головы, тяжело дыша с присвистом, с лиц срывались капли пота,... но они остались стоять на широко расставленных ногах! Остальные же, лежа на земле, сквозь сгущающиеся сумерки смотрели на устоявших после похода сородичей с глубоким уважением и завистью одновременно.

В этот самый миг я поверил – у них получится. Может не у всех, но у большей части обязательно получится втянуться в суровый образ военной походной жизни.

Всю необходимую работу по подготовке к ночевке и приготовлению пищи вновь делали мои люди. Но при этом Рикар не забыл громогласно упомянуть, что все это делается в долг, при условии, что однажды настанет их очередь отдыхать, тогда новые братья по оружию позаботятся обо всех работах. Великан так и сказал – новые братья по оружию. Ох, не зря мне кажется, что Рикару крайне

близка эта роль сурового, но справедливого командира привыкшего «пестовать» молодежь.

Гномам позволили заснуть только после того как поедят горячей сытной похлебки и вдоволь напьются травяного отвара. Кстати, сушеные грибы выращенные у нашего подземного озера Медерубам пришлись по вкусу, съелось все с жадным чавканьем, с гортанными возгласами радости – видать все коротышки без исключения обожали грибы. Не удивительно – подземные грибные плантации составляли существенную часть их рациона, это то же самое, что пшеничные поля для людей.

Утром, на целый час позже обычного, уже при солнечном свете, злобно ревуший Рикар разбудил сонных гномов отнюдь не деликатным образом, без лишних церемоний и мягкостей. И здесь оправдались наши предположения – у гномов буквально не сгибались ноющие ноги, либо же наоборот не разгибались. С верхней частью тел было чуть получше, но все что ниже пупка напоминало безвольный сгусток боли. Коротышки стоически терпели, в их суровых профилях читалось напряжение и решительность. Те семеро кто остался вчера стоять и пытался помогать моим людям в хлопотах, проявили себя и сейчас, первыми встав на ноги, начав поднимать остальных. Рикар и Литас проявили себя самым безжалостным образом, устроив гномам настоящую пытку путем разминаний, растягиваний, скручиваний, постукиваний и даже щипаний. Лени и другие усердно помогали в сем неблагодарном деле.

Первый раз услышал гномье взвизгивание – кто-то на удивление тонким голоском испустил короткий визг, но кто именно, разглядеть не удалось, хотя любопытство снедало не только меня и искали мы все.

На все ушел еще один час и вскоре мы вновь выдвинулись в дорогу нестройной колонной, вновь шагая по ухоженной песчаной дороге. Снова впереди рысили зоркие разведчики, тыл замыкали опытные воины, идущий рядом с гномами Рикар что-то успокаивающе ворчал, что-то подсказывал. Медленно, но верно Медерубы размяли ноги, разогрели воюющие мышцы и зашагали куда более уверенно и быстро. Отлично.... Пока что все идет по плану. Мы вновь двигаемся вслед за Тарисом Некромантом и на этот раз нас почти на три десятка больше.

По пути я то и дело поглядывал в сторону далекой-далекой Подковы – оттуда должен прибыть пернатый вестник с посланием из поселения. Моя душа разорвана на две части... нет, даже на три части, если учесть идущий к подкове

отряд из хромающих калек и стариков....

Скорей бы дожидаться успокаивающего письма.....

Отступление первое.

Оно жрало....

Жрало ненасытно, со слышимым лишь Тарису чавканьем, хрюканьем, жадным потусторонним воем. Оно пыталось насытиться, но никак не могло наполнить туманный желудок.... Невозможно наполнить бездонную пропасть, так же как невозможно заполнить адское пекло душами грешников – там всегда найдется еще немного места.

Внешне восставший принц выглядел спокойным и уверенным, властным и решительным. Но в его черной выгоревшей душе тускло тлел огонек страха. Явившаяся по его зову тварь пришла не из-за страха, не из-за преклонения, не из-за желания помочь. Нет. Обитатель граничных пределов соизволил прийти, прельстившись сладкими обещаниями. Сто раз по сто жизней было обещано ему в награду за присоединение к грядущей битве. Жизней ярких, сильных, сытных, вкусных – вот что пообещал Тарис в обмен на помощь.

Но за прошедшие дни он не сумел сдержать слово. Лишь жалкие крохи из обещанного изобилия упали на пиршественный стол вечно голодной твари. И это ее не обрадовало. Связывающие их нити договоренностей трещали и лопались одна за другой. Если промедлить еще немного – случится неизбежное. Туманное чудовище выйдет из повиновения и начнет собирать обильную жатву, не разбирая где союзник, а где враг.

Сумеет ли он совладать с обезумевшей от голода тварью?

Быть может.

Но только если приготовится загодя. Но как понять по клубящемуся туману его намерения? Силу его голода? Жар его ярости? Лишь хриплые нетерпеливые стоны доносились из сердцевины нутра туманного ужаса. Не угадаешь, когда оно решит нанести смертельный удар....

– Выслать два дозорных отряда – подтащив к себе трясущегося от ужаса седого шурда, велел Тарис Некромант – Пусть ищут добычу! Двуногую добычу! Пусть ищут людей, гоблинов, гномов. Ему нужна пища и он не может больше ждать.

– Да, о Великий, да о Ужасный! Будет исполнено!

– Если к вечеру отряды вернутся без хороших новостей – они сами станут кормом – добавил принц.

– Мудрая мысль, Повелитель.

– Убирайся. Риз!

– Да, Повелитель? – вечно насмешливый и вечно жестокий полководец отшагнул от ствола толстой сосны, коротко поклонился – Велишь осмотреться с высоты?

– Исполни! – коротко кивнул Тарис, ничуть не удивляясь прозорливости полководца – И не забудь принести ЕМУ пару подарков. Живых подарков. Нам нужна его доброта и послушание.

– Господин... – на принца поднялись пронизательные глаза со зрачками словно бы скрытыми клубящейся странной дымкой – Не следует шагать рядом с таким союзником. Пусть движется в арьергарде следом за осадными машинами. Если вдруг наш новый друг решит показать характер, это даст нам время, прежде чем он доберется до основных сил.

– Он боле не прислушивается к моим словам – взор Тариса с предостережением скользнул по лицу Риза Мертвящего, голос принца стал гораздо тише – Вот уже как два дня он лишь задает одни и те же вопросы: Еда? Еда? Еда? Еда? Но не дай себя одурачить, Риз. При всей немногословности и животной жадности к еде, он очень умен. Ему больше пяти тысяч лет, как говорят древние записи. Но и это лишь время, когда ЕГО увидели впервые. Тогда он явился вместе со стеной тумана надвинувшейся на большой и хорошо защищенный город. Жалкие горстки уцелевших и поведали о страшной участи горожан, о безмолвном сгустке плотного клубящегося тумана сдирающем плоть со всего живого и дробящего кости в мелкое крошево.... Будь осторожен, Риз. Не вздумай принять его за жадную до крови безмозглую тварь. Иначе в предсмертный миг ты

пожалеешь об этом.

– Кто знает, Повелитель – бледно усмехнулся Риз – Когда я умирал в последний раз, то с нетерпением ждал конца сотрясающей меня агонии – я весь пылал желанием и надеждой поскорее встретиться с убитыми мною малышами, дабы вновь насладиться их криками.

– И как? Встретился?

– Того не ведаю.... Ибо не помню почти ничего.

– Счастливчик – Тарис злобно ощерился, бледная кожа на его щеке беззвучно лопнула, из раны вытекла густая черная жидкость – А я помню все! Каждый век, год, неделю, день, час! До сих пор слышу завывание ветра над головой, чую смрад моих гниющих заживо пальцев на ногах и руках, слышу отзвуки кашля и хрипов при попытке избавиться от застрявших в моей глотке выпавших зубов и ошметков десен. Я помню все! И как последний насмешливый аккорд я отчетливо помню отзвуки голоса явившегося ко мне живого ключа, что лишь посмеялся надо мной, но так и не открыл замок....

– Не стоит принимать так близко к сердцу, Повелитель – позволил себе шутку полководец, в его глазах появилось предвкушение – он хорошо знал, что если Тариса накрывает волной злобных воспоминаний, то вскоре где-нибудь поодаль истошно и надрывно завопит жестоко пытаемый шурд – что первым попадетсЯ под руку. И пока принц вымещает злобу, можно позволить себе насладиться видом чужих страданий. Это будет, пожалуй, единственная отрада за последние дни. Ах,... как вопил тот мелкий гаденыш,... как бы хотелось снова ощутить те сладостные эмоции....

– Я вскоре вернусь – заторопился Риз, не желающий опоздать на начало представления – Скоро вернусь...

– Не забудь про подарки! На худой конец сойдут и олени. Или волки – они огрызаются, а он любит сопротивление.

– Я разделяю его пристрастия к еде – ухмыльнулся рыжий Риз, спеша к распластавшейся на небольшом пригорке громадной птице нежити – Наши вкусы схожи.

– Поспеши!

– Да!

Тарису не пришлось долго ждать выполнения приказа – слишком хорошо была известна его нетерпеливость и жестокость. Два отряда спешно двигались в разные стороны, намереваясь охватить как можно большую часть местности. Но первым в путь отправился рыжеволосый наездник кошмарной летающей нежити, тяжело поднявшейся в воздух и полетевшей прямо вперед, отбрасывая тень на ухоженную песчаную дорогу.

Отступление второе.

– Ну? – с жадным нетерпением поинтересовался восседающий на мощном жеребце широкоплечий воин с впавшими от усталости глазами, но с решительно выпяченным вперед подбородком – Что?

– Ничего, господин – выдохнул спешившийся всадник в легких кожаных доспехах, отдавая повод подбежавшему соратнику – А может и что-то.

– Ты вздумал повеселиться, Трапиус? – скрипнул зубами задавший вопрос воин.

– Нет, господин! Я бы не осмелился, мой лорд! Но нет уверенности в увиденном и понятом! В той стороне, в шести-семи лигах отсюда, высится большая гранитная скала.

– Знаю – рыкнул главный, подавая жеребца вперед и вперяя взор в разведчика – На картах она отмечена как Подкова. И что с того?

– Мы нашли много следов, господин. Следы как старые, так и оставленные совсем недавно. И большинство из них ведет именно туда, к Подкове, как изволили вы ее назвать, мой лорд.

– Следы оставлены людьми?

– Следы разные – осторожно ответил разведчик, коротко переглянувшись со вставшими за его спиной товарищами – еще двумя десятками воинов в легких доспехах, прибывших вместе с ним из разведывательной вылазки.

– Не томи!

– Есть и людские. Но больше следов других, мой лорд. Шурды. Гоблины. Еще какие-то твари. Вокруг все затоптано ими так сильно, будто неподалеку большое селение. Нашлись и остатки их добычи – рваные шкуры, рога, головы, копыта. Охотились. Следы же людей посвежее будут, оставлены поверх отпечатков тварей вонючих.

– Следы людей ведут к Подкове?

– Да, мой господин. Прикажете разузнать подробней?

– Нет – качнул головой всадник, с высоты седла оглядывая медленнодвигающийся вперед огромный отряд – Сразу двинемся к скале. Единым кулаком.

– Простите мои слова, лорд, но это может быть ловушка. А может там нет и не было никогда принца Тариса Ван Санти. Не угодить бы в гнездилище поганых тварей.

– Вот и разузнайте пока мы идем вслед за вами! – яростно захрипел всадник – Я должен первым предстать перед принцем Тарисом! Я должен первым преклонить пред ним колени и повторить слова древней вассальной клятвы! Первым! И посему поспешим! Смените лошадей, подкрепитесь парой глотков вина и куском сыра, а затем снова в седла и вперед!

– Да, мой лорд!

Повинуясь громогласным властным приказам, большой, очень большой отряд пришел в движение, застучали подкованные копыта по земле, закрипели колеса тяжело нагруженных повозок, зачавкали по грязи воинские сапоги. Они двигались на северо-запад, направляясь к еще скрытой сгустившимся туманом величественной гранитной скале отмеченной на старых имперских картах как

Подкова.

Далеко-далеко позади, во многих днях пути, дотлевали последние угли разоренного и сожженного дотла небольшого пограничного форпоста у Стены. Лорду уже нечего было терять – он одним из последних ударился в бега вместе со своими воинами, преданной челядью, родственниками и их семьями. Он до самого конца малодушно надеялся на милость нового короля, но ее не последовало – в сторону его родового имения выдвинулся ударный кулак имперских кирасиров, подкрепленный боевыми магами. И настало время бежать.... Бежать в земли неподвластные нынешнему королю, бежать туда, где можно найти нового сильного господина и покровителя. Такого как принца Тариса Ван Санти последнего из древнейшего императорского рода.

Лорд двигался на встречу не с пустыми руками. Отнюдь. Он приготовил щедрые дары, успев осведомиться о вкусах и пристрастиях Тариса в бытность его наместником Западных Провинций. Несколько повозок несли на себе груз дорого шелка, вышитых золотом одежд, белоснежные простыни из особой ткани, что всегда остается прохладной. Имелся и тяжелый груз золота, серебра, великолепного оружия. А позади отряда, скованные и связанные, шагали десятки пленников захваченных в разоренном форпосте – преимущественно красивые молодые женщины и сильные мужчины. Их захватили на всякий случай... вдруг пригодятся.... Много историй ходило о наклонностях Тариса Ван Санти и о его темных умениях. Ведь последние два века его называли не иначе как Тарис Некромант...

Глава вторая

Первая добыча Медерубов. Сведения из уст беглецов

– Р-ра-а! – завопивший Тикса ринулся вперед и... рухнул лицом вниз, не заметив подставленной Рикаром подножки.

– Эй! – возмущенно завопил коротышка, но я легко усмирил его гнев одним суровым взглядом.

– Пусть они сами – пояснил я, с напряжением глядя на спины бегущих гномов рода Медерубов, наполняющих воздух нестройными боевыми криками.

– Литас приглядит – успокоил меня Рикар, скашивая глаза на стоящих рядом с нами лучников, застывших в напряженной позе – Ах ты ж! Ну куда они поперли, пожри склирс их души?! Сказал же – не перекрывать лучникам обзор!

– Думаешь, они запомнили? – хмыкнул я, усилием воли давя порыв рвануться вперед – Это первая в их жизни битва против врага. Проклятье... Тикса, я передумал! Давай за ними! Покажи, как гномы умеют биться! Рикар, давай и ты за ними. Это не атака, а бег стада в горящем лесу!

– Поздно – вздохнул здоровяк, оставшись на месте. А вот Тикса только и ждал позволения – рванул с места так, что во все стороны полетели куски дерна.

Но Рикар прав – поздно. Слава Создателю, Темному и кому-нибудь еще ежели такой найдется, все обошлось малой кровью. То есть все вышло точно как в прошлый раз, разве что цели были разные.

Это наша вторая попытка заставить гномов познать вкус вражеской крови – не в буквальном смысле, само собой.

Как заявил Рикар – пущай обагрят руки по локоть и щедро умоются кровушкой. Такой мол обряд если не посвящения, что проверки на прочность и решимость. Нам ведь от Медерубов в бою придется зависеть, может наши спину они прикрывать останутся. А если у них сила только на словах, а не на деле? А если разбегутся?

Вот и проверяли по пути гномов, в то же время, обучая их хоть каким-то премудростям боя.

Желание Рикара сбылось – гномы и руки в крови вражеской обагрить сумели и умылись кровушкой более чем щедро – причем своей. Впервые десяток Медерубов был послан в бой на вышедшую из зарослей кабанью семейку – но без клыкастого хозяина стада, без матерого кабана, коего заблаговременно убил при помощи арбалета один из ниргалов. На существенно обессиленное таким образом семейство напали гномы, после чего мы стали свидетелями весьма шумного и жутко неумелого свиного побоища. Боги светлые и темные! Никогда

до этого я и помыслить не мог, что хоть одной дикой свинье придется умереть в таких диких мучениях и столь нелегкой смертью от неумелых рук! Я мысленно извинился перед всем свиным родом за подобное зверство!

Семь свинок разных размеров, в конце концов, отмучились и сдохли, успев перед этим поранить тринадцать коротышек! Большею частью ранения пришлись на ноги, но двоим откусили по несколько пальцев на руках, другому отхватили ухо! Еще двое получили раны от сородичей – при излишне ретивом замахе приголубили стоящих позади товарищей обухом топора и концом пехотного меча. Поохотились, чтоб их... Тикса ходил красный от стыда за Подгорный народ и держался за голову – он сунулся было помочь и его так толкнули в запале, что он ткнулся макушкой в сучковатое дерево. Умылся и Тикса кровью.... Эти Медерубы те еще хищники злобные....

Результат – первая боевая стычка завершилась ужасно, но гномы многое уяснили, многое пережили, почувствовали каково это. На ужин была свинина. Не бросать же мясо, благо отбивать для мягкости не понадобилось – все проделали еще при жизни несчастных свинок. Мясо оказалось вкусным, сочным, победным. На именно такой трапезе настоял Рикар – гномы Медерубы сами освежевали туши под неусыпным надзором здоровяка, разрезали на куски, пожарили, сварили, съели. Первая в их жизни пища полученная не как подачка за рабскую работу, а добытая самостоятельно, с кровью и болью. Такое они не забудут никогда. Вкус и запах горячего мяса и обжигающего сока никогда не ослабнет в их памяти.

Сегодня же нам «подвернулся» малый отряд аж из семи шурдов и двух гоблинов. Разведчики высмотрели их загодя, тихонько мне сообщили, и мы быстро придумали план, сумевший продержаться не больше минуты от своего начала, а потом рухнувший и рассыпавшийся.

Проклятье. Как смотрю на неумелую схватку, так мне нехорошо становится....

Перед тем как «натравить» Медерубов на шурдов, Литас, Рикар и пара воинов провернули небольшое действие по молниеносному захвату обоих гоблинов и двух шурдов что поважнее и поцелее с виду. Все проделали быстро, после чего пугнули завывших врагов, погнав сквозь заросли в сторону основного отряда. Сами успели их обогнать верхами, загодя прибыв к началу боя.

И нам удалось «насладиться» крайне неслаженной атакой на жидкие силы трусливого противника, сумевшего все же огрызнуться перед смертью. Основную часть битвы я не увидел из-за спин сгрудившихся Медерубов, толком ничего не услышал из-за их же криков. Но Тикса вон он – держится за нос, что-то злобно орет, по подбородку стекает кровь. Опять досталось непоседе – а ведь он подбежал, когда все уже закончилось.

– Самое малое шестеро раненых – скорбно вздохнул Рикар.

– Семеро – поправил его Литас столь же печальным голосом.

– Да вы шутите! – в бессильной злобе зарычал я – У них же доспехи! Шурдов было пять и они едва не померли при одном только виде несущейся на них толпы! И при этом семерым нашим пустили кровь? Ох....! Помогите раненым. Объявляйте стоянку!

– Дгуг Ковис, Дгуг Ковис – пробубнил подошедший Тикса, глядя на меня с крайне несчастным видом и по-прежнему не отпуская разбитый нос.

– Чего?

– Медевубы вплавивают – шувдов тозе кушать надо?

– Этих кушать не надо – с трудом разобрался я в гнусавых словах коротышки и дал успокаивающий ответ.

– Надо-надо! – громко загундосил мстительный Тикса, обращаясь к столпившимся сородичам – Вироко! Вироко!

– Не надо! – рыкнул я, раздраженно сдирая шлем – Разбиваем лагерь! Тикса, уйми кровь из носа, утри слезы обиды и ступай за хвостом! Но не один! Лени! Пойдешь с Тиксой!

– Да, господин!

– Литас, куда засунули пленников? Пойду душу отведу, пообщаюсь с ними.

– За теми кустами, господин. Связаны. С ними двое наших.

– Отлично – кивнул я, шагая к зарослям. Следом за мной отправились ниргалы, не пожелавшие оставить меня в одиночестве.

Плененные шурды и гоблины лежали смирно. Во рты заткнуты кляпы вырезанные из одежды, колени и локти туго перехвачены ремнями. Поодаль лежат поясные сумки, мешки, оружие. Сразу можно охватить взглядом всю картину. Мои воины постарались, приготовили все для меня. А вон и два охранника, начавших присматривать за пленниками после завершения горе схватки.

По искаженным лицам обычных пещерных гоблинов сразу становилось ясно – эти расскажут все что знают и все что смогут придумать. Сделают что угодно ради сохранения жизни. В неистовой жажде жизни обвинить их не могу, равно как и в прислуживании уродливым собратьям.

Шурды... мерзкие лица глядят на меня со страхом, но мелькает и слабый оттенок ненависти в глазах. Они до чертиков испуганы, но многовековая ненависть к людям никуда не могла исчезнуть, ее невозможно скрыть. Но все же главным чувством у всей четверки пленников был страх.

– Они не разведчики – подытожил я, оглядев чересчур разную одежду врагов, выложенные из сумок пожитки, продовольствие, тяжелый кособокий котелок, развязанный мешочек с непонятным зерном.

– Да, господин – подтвердил мое предположение один из воинов, тот, что постарше и шире в плечах – В разведку вяленое мясо берут, да краюху хлеба. А не крупу и котелок.

– Дезертиры – усмехнулся я, подходя к воинам и говоря шепотом – Как пить дать. Ни одного костяного паука рядом, нет и захудалого мертвяка. А гоблины... они рабы, им приказали, и они пошли, таща на себе пожитки. И шли в сторону моря, на юго-юго-запад, тогда как Тарис идет на северо-запад. Вот это да.... Что же они от любимого бога убежать начали, а? Вытащите им кляпы.

Сначала возможность говорить вернули гоблинам, и я содрогнулся от обрушившегося на меня жалобного верещания. Гоблины не рассказывали

ничего, не спрашивали ничего. Он молили лишь об одном – о сохранении жизни.

– Тихо! – крикнул я, заставляя мелкий народец умолкнуть – Слушайте сюда, гоблины. Не тряситесь за свою жизнь. Вас отведут прочь, дадут поесть, посадят у костра, вы согреетесь. Потом приду я и начну задавать вопросы, а в обмен захочу услышать подробные ответы. Уберите их.

На двух пленников стало меньше, но это к лучшему. У шурдов куда более развито воображение, искореженным темной магией уродцам не занимать фантазии. Вдруг да придумают что-то, а гоблины подхватят, по простодушности своей, приняв за чистую правду. Пусть мозги гоблинов останутся незамутненными.

Я нагнулся, выдернул из клыкастых ртов жеванные слюнявые тряпки и снова сморщился. Опять послышалось истощенное визжание и мольбы сохранить жизнь. Шурдов трясло от страха, на лицах написано только одно: мы не хотим умирать.

– Тихо! – велел я, отбросив тряпки и подняв с земли небольшой камень. Пальцы сжались, зажатый в железной перчатке камень захрустел, раскололся пополам, затем раздробился на мелкие кусочки, вниз посыпалась крупная каменная крошка.

– Я стану задавать вопросы. Вы будете отвечать. По очереди, без заминок, только правду. У меня нет времени на хитрые допросы, но я нутром почую, когда кто-то из вас солжет. И сразу же сделаю с его коленной чашечкой то же самое, что и с этим камнем – я разжал пальцы, ссыпал дробленые кусочки, сдул с ладони остатки каменной пыли.

– А наши жизни? Наши жизни?

– Ваши жизни ценны для меня – ответил я.

– Мы ответим на все вопросы – хрипло произнес один, другой шурд поспешно закивал.

– Отлично – мягко улыбнулся я – Тогда начнем. Почему шли в эту сторону? Для чего вас послали?...

Спустя довольно продолжительный промежуток времени я вышел из зарослей кустарника. За моей спиной лежало два трупа, не сохранивших в мертвой плоти ни единой капли жизненной силы. Я не солгал – их жизни были крайне важны для меня, жаль просто убить их, позволив драгоценной силе рассеяться в воздухе. Поэтому я выпил их жизни, перелив энергию в себя. Оставлять же шурдов в живых,... какая глупая шутка. Эти твари сдохнут поголовно, вымрут до единого и я сделаю все, чтобы приблизить этот сладостный день.

Осталось уточнить и перепроверить полученные сведения при помощи гоблинов. Сделаю это на ходу, нам пора вновь пускаться следом за армией Тариса. Я оказался прав, предположив, что шурды ударились в бег. Они действительно оказались дезертирами.

Почему?

Мне самому было интересно узнать, и я не поленился спросить.

– Ведь он Бог шурдов – напомнил я уродцам.

– Он Губитель шурдов! – сверкнул глазами темный гоблин, с ненавистью скрипнув клыками – Губитель!

Тарис опустошил не только столицу шурдов, их главный город в Диких Землях. Он поставил под свои знамена население встреченных на пути шурдских гнездовищ, причем забирал всех, кто мог пройти десять шагов и не упасть – этого было достаточно! Иногда Тарис забирал и тех, кто мог только ползать – таких грузили на волокуши и они отправлялись в боевой поход в лежащем положении, порой стоная в забытии, пребывая в горячечном бреде! И с каждым днем все становилось хуже и хуже. Теперь в армию Тариса Некроманта, Великого Бога, Покровителя Шурдов, Отца Шурдов, годились не только мужчины, но и самки! Он начал грести всех подряд: женщин, подростков, тех, чьи волосы давно уж поредели и засеребрились! Последние три шурдских гнездовища были взяты Тарисом подчистую! – он забрал всех до единого! Норы остались пусты! В боевой поход отправились и младенцы! О Тьма! Что же это?

Треть стариков и детей умерла к пятому дню, не выдержав тягот путешествия. Сначала шурды не понимали, они решили, что Повелитель решил переселить их в более подходящее и лучшее место. О да! Они не ошиблись! – Тарис решил

переселить их прямиком на тот свет!

На каждой стоянке к волокушам подходили закованные в железо безмолвные воины, отпихивая матерей и отцов деловито выбирали самых доходяг, поднимали их и уносили.... А затем в армии появлялась новая нежить – костяные пауки, крохотные Пожиратели. Либо уже имеющаяся нежить восстанавливала утерянные лапы, куски тел, комки плоти и прочее.

«Что ж это за Бог такой, раз он десятками убивает собственных детей?» – вкралась ужасная крамольная мысль в головы шурдов. Но они промолчали, продолжая глядеть на Великого со слепым фанатизмом.

А Великий не остановился на достигнутом – он продолжил забивать шурдов десятками, ведя себя столь же бесстрастно как мясник на осенней бойне. Находящаяся при нем вечно хохочущая рыжая бестия с безумным взглядом радостно покрикивала при каждой новой смерти очередного шурда, порой и приплясывала. А иногда Тарис ДАРИЛ ЕМУ юного шурденка для забавы! Человек истязал шурда! Наслаждался его болью, мучил его ночь напролет, от хриплых криков несчастного содрогалось все войско! Человек пытается шурда! Безнаказанно! А ведь и Тарис тоже человек....

Да, он восстал из Каменного Гроба на Мертвом Озере, как было предсказано давным-давно.

Да, он возглавил армию шурдов, как было обещано давным-давно.

Вот только вместо того, чтобы вести шурдов к господству и процветанию, Тарис ведет их как коров на убой, не задумываясь, пользуясь темных гоблинов как источник жизненной силы, как мясо идущее к котлу на собственных ногах....

Дети шурдов! Сокровище! – у них выживает лишь каждый третий ребенок! Лишь каждый шестой сможет впоследствии охотиться и возможно проживет больше двадцати лет. Лишь каждый десятый шурдский ребенок сумеет продолжить род, принеся в него жизнеспособных потомков! Остальные либо вовсе не способны к соитию, либо их семя или чрево мертвы, либо приносят лишь мертвое потомство....

Нельзя резать молодых шурдов десятками – ведь если их не беречь, то род шурдов прервется! Все усилия за последние двести лет станут напрасными! Но Тарису плевать.... Он продолжал резать собственных солдат и их детей как скот. Четыре гнездовища полностью истреблены – они были слабы, там было мало детей. Четыре шурдских рода прерваны навсегда....

И крамольные мысли стали посещать головы темных гоблинов все чаще, особенно когда им на глаза попадались торчащие из котлов разваренные кости братьев. Они и сами зачастую бросали в котлы стариков – в голодные суровые зимы, когда иначе поступить просто нельзя. Но тут из безысходности, из-за голода и плача детей.

Изнурительный поход так же сделал свое дело, наполнил тела смертельной усталостью, поселил в глазах обреченность. Численность армии медленно таяла, но они продолжали упорно шагать по воле Тариса Некроманта....

И вот ожидаемое – несколько дней назад один из назревших гнойников прорвало. Сразу четыре отряда шурдов ударились в побег, прихватив с собой что под руку попало – от вещей и продовольствия, до детей, женщин и гоблинов, последних из коих шурды давно уже не считали ни за рабов, ни за живых существ – их принимали за самостоятельно шагающее продолжение собственных рук.

Неизвестно как дела у других беглецов, но им не повезло – они наткнулись на нас. На этом скорбный рассказ шурдов про судьбу расы был завершен и я начал задавать главные вопросы.

Куда двигается Тарис?

Ответ – неизвестно. Бог, Покровитель и Предводитель в одном лице не спешил делиться с поданными и солдатами этой истиной. Ну да – не станешь же объяснять стаду мясных коров, куда именно их ведет пастух.

Но цель крайне важна для него, ибо принц только о ней и думает, нещадно подгоняя плетущиеся войска. Ночами проводит большие кровавые ритуалы, после коих ряды шурдов теряют до десятка братьев, а лицо Тариса мрачнеет куда сильнее.

Когда армия шурдов наткнулась на песчаную дорогу, принц, не задумываясь, указал нужное направление. Он мог и раньше направить войско круче к западу, но крылатые вестники принесли сведения о хорошей дороге и впервые за все время принц решил чуть облегчить жизнь измученной армии. Или чтобы шурды начали двигаться быстрее.

Во время стычки у дороги неизвестные воины хорошо потрепали темных гоблинов, но все же были обращены в бегство или погибли. Так же удалось захватить одного пленника – сейчас, прямо на ходу, на волокуше, им занимается Тарис, а рыжий Риз Мертвящий идет рядом, давая советы принцу и не забывая задавать вопросы воюющему от чудовищной боли чужаку, уже потерявшему все конечности до единой. Это и помогло решиться шурдам на дерзкий побег от собственного бога.

Негусто....

Тогда что за ужасная тварь в виде облака перемалывающего кости в пыль идет вместе с войском Тариса?

При этом вопросы шурды содрогнулись, задержались, их глаза выразили чистый ужас.

Они не знают точно, но это нечто ужасное, древнее, вечно голодное и... мало почитающее кого бы то ни было, будь то обычный гоблин или же сам Тарис Великий. В сторону непонятного кошмара стались и не смотреть вовсе, куда уж там вопросы задавать. Да и кому их задать вопросы эти самые? Тарису? Кто ж осмелится?

Ладно....

А что сам Тарис? Питается ли? Спит ли? Как выглядит?

Порою восставший из мертвых принц с явным удовольствием вкушает еду – причем не абы какую, а хорошо отбитую и отлично прожаренную свежатинку. Обязательно чтобы на тарелке, с вилкой, с ножом, с заткнутой за горло рубашки салфеткой. Чаще всего трапезу делит вместе с Ризом. Никогда не притрагивается к еде шурдов – подгнившей червивой солонине, к резаным крупными кусками подсушенным яблокам. Когда ест, проделывает все с

наслаждением, подолгу жует каждый кусочек, но питается так редко, что не похоже, будто его тело нуждается в еде. Раньше же он не ел вовсе, пока полностью не восстановился язык, щеки и не заросли дыры в горле, меж ребер и в животе.

Шурды не пытались произнести кошунственное слово «мертвяк», но каждое описание говорило об одном и том же – первое время его высочество Тарис Ван Санти был настоящим мерзким мертвяком, изрядно прогнившим, вонючим, наполненным по горло водой из мертвого озера, с распухшими пальцами и ступнями. Из гроба Тарис вышел не писаным красавцем принцем, а куском падали в лохмотьях. Но с каждым взмахом страшного костяного кинжала Старшего Близнеца, принц все хорошел и хорошел, не по дням, а по часам восстанавливая былые черты утонченного лица.

Важны ли сведения для меня? Понятия не имею. Но я все запомнил и скрупулёзно записал.

Всегда ли костяной кинжал вместе с принцем?

Всегда! – на этот вопрос оба шурда ответили хором, не задумываясь, смотря на меня с недоумением, будто я спросил некую глупость, словно осведомился: «А его голова всегда при нем?».

Какова численность армии Тариса? Есть ли ниргалы? Много ли птиц? Нежити? Осадных орудий? Лошадей? Иных воинов или зверей? Как дела с провиантом? Со здоровьем воинов? Встречалось ли сопротивление по пути? Человеческие поселения? Каков распорядок дня у Тариса? А у Риза Мертвящего? А как они ладят друг с другом? Ссорятся ли? Как себя чувствует полководец Риз? В чем заключается его воспетая в легендах гениальность тактика и стратега? Или она выжжена пребыванием в адском пекле?

Я спрашивал и спрашивал, спрашивал и спрашивал, никак не в силах утолить жажду знаний.

Мне требовалось лишь задавать вопросы, а затем выслушивать быстрый и полный ответ. Шурды ничуть не старались сохранить секреты родной расы. Выкладывали все как есть, порой перебивая друг друга и старательно выдавливая кривые улыбочки, в надежде на сохранение жизни.

Но я видел, что в глубине их глаз плавала обреченность в обнимку со страхом. Шурды понимали, что я не оставляю их в живых и говорили лишь для того, чтобы отсрочить неизбежное. А может верили в мою доброту – что я убью их быстро, не причиняя лишних мучений.

Войско Тариса огромно. Много ли воинов? Очень много. А в цифрах? С этим возникло затруднение – раньше их это не интересовало, но они уверили меня, что темных гоблинов великое количество, никак не меньше многих сотен, ибо Тарис опустошил и город шурдов и все встреченные по пути гнездовища, забрав всех способных стоять на ногах. И он продолжает так поступать, разоряя с трудом основанные и обжитые шурдские поселения.

Обычных пещерных гоблинов вдвое меньше чем шурдов. Эти мелкие трудяги живучи и выносливы, но с каждым годом их рождается все меньше, ведь так трудно выносить достаточно количество детей, если младенцы гоблинов считаются деликатесной закуской среди шурдов. Некогда многочисленный народ пещерных гоблинов стремительно исчезает как вид в Диких Землях. Скоро некого будет за дровами послать....

Сгархи? Эти твари спят.... Тарис несколько часов стоял перед главными берлогами сгархов в городе шурдов, но он не сумел заставить покоренных мохнатых тварей гигантов покинуть мерзлые норы. Сгархи сильны. Разумны. И даже с покоренным разумом они не желают отправляться в пекло весенней погоды и оставлять детенышей. Поэтому сгархи остались там же где и были – в глубоких скальных норах с наглухо запечатанными выходами и несколькими старыми шурдами поводырями для присмотра. Что за печати? Простые каменные глыбы укрепленные камнями поменьше, заблокированные бревнами и цепями. Оставлены лишь узкие щели для поступления воздуха.

Я задал много вопросов и получил много ответов. После чего даровал шурдам быструю смерть, и наш отряд снова двинулся в путь вслед за Тарисом Некромантом, о коем я теперь знал несколько больше, равно как и о его окутанном гнилостной дымкой окружении.

Отступление третье.

Сплоченный боевой отряд поражал взгляд даже самого привычного человека. Черные фигуры всадников двигались единым строем, следуя за седовласым мрачным старцем с удивительно прямой осанкой, широкими плечами и твердым взглядом устремленным вперед.

Но в размокших от весенних дождей южных низинах Диких Земель некому было удивляться столь странным гостям, а случайно выскочившая из-под куста облезлая лисица тут же была подстрелена из арбалета, а затем смята лошадиными копытами.

Покачиваясь в седле, старый лорд Ван Ферсис неотрывно глядел в горизонт, туда, где небо смешивалось с верхушками деревьев и холмов в единую серую массу. Его правая рука неосознанно стискивала позолоченную рукоять обычного кинжала – жалкая замена! Но что делать, если пальцы и разум не знали покоя? Если руки начинали трястись, когда не находили желанной рукояти? Теперь уж поздно горевать о потере – так или иначе, но Тарис не уступит свою любимую игрушку.

Однако сейчас мысли лорда были занятым иным – он стремился вернуть еще одну утраченную вещь.

– Алларисса – беззвучно прошептал лорд, вглядываясь – Плоть от плоти моей... я иду за тобой.

Отступление четвертое.

– С-стойте! С-стойте! – немилосердно шипя, прокричал горбатый шурд, поднимая вверх единственную руку.

За его жестоко искривленной спиной сгрудились сородичи – от визжащих младенцев до стариков. Среди них и обычные гоблины, тяжело нагруженные мешками из шкур, впряженные в волокуши.

Перед закричавшим шурдом, шагах в сорока поодаль замерли люди. Впереди стоят бородатые длинноволосые мужики с суровыми усталыми лицами, в руках зажато оружие – рогатины, топоры, луки, несколько захудалых арбалетов и мечей. Посреди застыл кряжистый старик с побелевшим от усталости лицом,

тяжело опирающийся на истертый до блеска посох, облаченный в грубые одежды из кожи и холста.

– Мы не хотим биться! Не хотим! Не хотим крови! – вновь закричал шурд, ведущий сородичей прочь от смерти – все гнездовище снялось с места по его приказу и тронулось в путь.

Просто не повезло – в этой проклятой местности все утыкано длинными холмами и буграми заросшими соснами. И сейчас два отряда – шурдский и людской – столкнулись буквально лоб в лоб в узком проходе между высокими продолговатыми возвышенностями с сыпучими песчаными боками покрытыми островками нерастаявшего снега и молодыми сосенками. Они увидели друг друга и судорожно замерли, неосознанно прикрывая спинами женщин и детей. И люди и темные гоблины жутко измотаны тяжелой дорогой по раскисшей от влаги почве, все покрыты коркой грязи, ни у кого нет, ни сил, ни желания сражаться. Куда там! Сделать бы очередной шаг! Не рухнуть бы в грязь, чтобы больше не подняться!

На плече одного из людей сидит большая серая птица, склонившая голову набок и наблюдающая за происходящим так пристально, будто все понимает и старается не упустить ни одной мелочи. Старик взглянул на птицу, потом перевел взгляд на стоящего рядом мужчину чем-то на него похожим. Сын? Более чем возможно.

– Не хотите?! – хрипло крикнул в ответ темным гоблинам широкоплечий мужчина, высвобождая руки от хватки двух детей – Так давайте разойдемся миром!

– Да! Да! – с диким облегчением в голосе отозвался старый шурд – Миром! Разойдемся! Мы просс-то идем с-своей дорогой!

– Как и мы! И мы пойдем по этой стороне пути – мужчина указал вправо – Держите руки на виду! Не беритесь за оружие! Просто разойдемся миром!

– Да! Да! Так и пос-ступим! Мы пойдем с этой с-стороны! – лапа гоблина указала влево – Прос-сто разойдемс-ся!

И спустя короткий промежуток времени случилось нечто невиданное – непримиримые лютые враги, истово ненавидящие друг друга, просто разошлись, разминулись на узком пути, едва не сталкиваясь плечами. Протащили волокуши груженные скарбом и плачущими детьми, проковыляли согбенные старики едва несущие тяжесть собственных тел и груз грязи облепившей их ноги до колен.

Разошлись!

Никто не сказал ни единого слова во время расхождения или позже. А затем, шагом за шагом, оба отряда продолжили быстро удаляться друг от друга. Удаляться с неверием, надеждой, облегчением.

Еще чуть-чуть и все без исключения уверились – случилось! Заклятые враги мирно разошлись на крохотном пятачке, не бросились друг на друга и не попытались ударить в спину после. Более того – они быстро расходились в противоположные стороны.

Куда шли шурды? То ведомо лишь Темному одному.

Куда шли люди? Того они не говорили, но увлекающий за собой детей мужчина покосился на серую птицу сидящую на его плече и пробормотал:

– Веди, ведем нас светлый вестник. Веди за собой.

Птица промолчала, но захлопала крыльями и полетела вперед у земли, на самом деле указывая измученным людям дорогу. А они со слепой верой следовали за крылатым провожатым.

Глава третья

Первая стычка с новым врагом

Других спас от гибели мой яростный крик, вылетевший из моей груди в тот миг, когда я почувствовал много столь яркой жизненной силы впереди, большой редкой дугой вставшей у нас на пути. Мы будто бы заходили в широкую

горловину горшка слепленного из чужой энергии.

Но заметил я слишком поздно, чересчур глубоко задумавшись и слишком уже положившись на ушедших вперед разведчиков – они миновали это место и не подняли тревогу.

И понятно почему – едва я закричал, как в нескольких местах откинулись целые участки гнилого растительного ковра, приподнялись фигуры врагов. Защелкали арбалеты, меня четырежды ударило в грудь и один раз в шлем. Выругался Литас, падая на землю и держась за левый бок. Ревущий как медведь Рикар вломился в кустарник с топором наперевес, за ним следом мчался Тикса вооруженный точно так же и успевший метнуть в одного из стрелков взрывающийся гномий камень. Бухнуло. Раздался наполненный болью крик.

Я метнулся туда же, к арбалетчикам, что сделали такую глупую ошибку – выбрали целью меня, безошибочно поняв, что я лидер, но самонадеянно решивших, что сумеют пробить доспехи ниргалов. Пусть и непростыми арбалетными болтами из непростого оружия – слишком уж сильно ударили они меня в грудь и целехонькими отскочили в стороны. Вот только помимо собственной толщины доспехи мною «укреплены» магическим даром. Я лишь замешкался, чуть пошатнулся, а затем бросился убивать.

Это не шурды. Это люди. В странной лохматой одежде практически неразличимой в лесу, сливающейся с палой листвой и ветвями. Позади кто-то кричал – кто-то из моих людей или гномов. Ранение. Возможно смертельное. Это прибавило мне прыти. Первого врага я буквально смял своим весом, вбил его хрустнувшей спиной в сучковатый древесный ствол, не обращая внимания на заскрежетавший по моим доспехам короткий клинок. Вытаращенные глаза, перекошенный рот, судорожно дергающее тело, быстро замершее и упавшее, когда я прыгнул в сторону.

Рядом пронеслась волна плотного воздуха, меня зацепило самым краешком, но в шаге от меня выворотило с корнями весь кустарник – одной и широкой семишаговой полосой, взлетели комья грязи, хрустнули упавшие молодые деревца, затрещали толстые стволы и начали заваливаться. Двое Медерубов стояли на пути снесенного ветром участка леса, и они исчезли с моих глаз в мгновение ока. Пропали в бесформенной куче из грязи и древесины появившейся у основания небольшого бугра.

Я тяжело крутнулся, прокричав яростно и громко:

– Маг! Маг! Маг!

Где ты?!

З-занг! З-занг!

Что это?!

По мне ударил идущий под очень пологим углом град из звонкого металла – я слепо отмахнулся от простучавших по груди и шлему градин, зацепил одну, бросил короткий взгляд. Игла. Очень большая толстая игла из закаленного железа, остро наточенная с обеих сторон. В меня ударило несколько десятков страшных снарядов. Раздались вопли боли, один человек и три гнома крутились в гротескной пляске боли, пытаюсь вырвать из тел канувшие в плоть железные иглы. Кто держался за шею окровавленными пальцами, кто за ногу и руку. Укрепленные мною доспехи легко выдержат подобный удар, но есть и неприкрытые броней части тела, крайне уязвимые для подобных мелких орудий смерти.

Я ринулся вперед, на каждом третьем прыжке отклоняясь чуть в сторону, слепо мчась по большому кругу, обходя все место схватки, оставив остальных врагов на своих воинов. Маг не будет в самой гуще битвы, он должен стоять поодаль, но при этом так, чтобы видеть все как на ладони. Рядом должна быть лошадь – слишком густой был железный град, столь много игл один человек не унесет, ему не по плечу эта тяжкая ноша, если он не такой как я.

Р-рах!

От дикой силы удара я захрипел, перед глазами замелькало небо и верхушки деревьев, от боли в правом плече отнялась рука, звякнул выпавший из омертвевшей ладони меч. Я рухнул как гнилая колода, замерев в глубокой луже, погрузившись в жидкую грязь боком, утопив шлем больше чем наполовину. Сквозь смотровую щель медленно затекала холодная грязная вода, сквозь другую щель я видел упавшее рядом бревно – толщиной с бедро мужчины, длиной в несколько локтей, щерящееся щепастым концом. Именно оно прилетело с небес будто карающая птица и ударила меня в плечо, снеся с ноги и

отбросив вниз по склону. Это смертельный удар, сравнимый по силе с ударом палицы великана.

Но я был жив. И оставался недвижимым лишь по одной причине – преодолевая боль, игнорируя затекающую в шлем жидкую грязь, стиснув зубы, я ждал. И мое краткое ожидание окупилось сторицей – в совершенно иной, неожиданной для меня стороне, шевельнулись ветви, раздалось преисполненное удовлетворением хмыканье, звякнул металл. Так хмыкает мясник убивший кабанчика прямым уколом в сердце, или же палач сумевший отсечь приговоренному голову единственным ударом меча. Что ж, среди орущих поодаль гномов я и впрямь казался настоящей королевской дичью. Вот только меня еще не убили. И рано примерять мой пустой шлем к крюку на стене трофеев.

Защищенные толстым укрепленным металлом руки уперлись в липкое дно лужи. Не обращая внимания на полоснувшую по нервам боль, я привстал, уперся коленом, а затем рванулся в сторону врага напролом, снося на пути хлипкие деревца, обламывая сучья, рвя паутину тонких ветвей. Недавнее довольное хмыканье удачливого охотника сменилось изумленным неверующим возгласом, ведь удар был столь силен! Но страха в голове не слышалось – скорее азарт.

Тут-то я его и обнаружил – среди густых переплетений ветвей орешника смахивающих на паутину, ярко светилась искра жизни. Шага на три позади – еще одна, тоже человечья. Еще на три шага позади – три более тусклые и иного цвета большие искры, это лошади.

Радовался я недолго – попросту не увидев следующего орудия, я вновь закувыркался по земле, снося гудящей от боли головой грязевые кочки и дробя трухлявые валежины.

Проклятье!

Бревно спикировало с небес! Но перед этим я резко замедлился, будто угодил в невидимую патоку или смолу щедро смешанную с влажным весенним воздухом. Меня словно в грудь ударило большой жесткой доской, затем придержало на мгновение, давая заостренному колу толщиной с две мои руки рухнуть с небес и угодить мне точно в лоб – по шлему, чуть выше смотровых щелей. Если бы не укрепленный магией металл....

Щелк! Щелк!

Со злобным воплем вскакивая, я узрел нечто необыкновенное – вмешавшиеся в мою схватку с магом два ниргала выпустили по арбалетному болту. И оба снаряда резко отклонились в стороны, сделали полный круг обогнув пару деревьев и набрав скорость рванули прямо ко мне! Удар! Сдвоенный тычок в грудь и шлем. Зазвенел металл. Я злобно ощерился, чувствуя, как по грязным губам и подбородку стекает горячая струйка крови – я сильно прикусил губу, когда был сбит с ног второй раз. Но сейчас устоял на ногах, мои доспехи вновь выдержали, я сделал широкий шаг вперед.

И яркая искра задрожала, стала гораздо ярче, дернулась. Что, ублюдок? Вместо азарта охотника в твою душу закрался леденящий страх?

Был один несокрушимый воин в полном доспехе и с черным плащом за плечами – а теперь их трое! И все такие же?!

З-занг! З-занг!

Загудел, завыл воздух, из густящих зарослей орешника рванулся веер из десятков смертоносных игл, удар воздушного сгустка в грудь заставил меня споткнуться, замедлиться, та же участь постигла ниргалов, а затем по нам застучал частый смертоносный град. Снизу так же ударил ревущий ветер – прямо от земли! – меня начало приподнимать! Ноги пробороздили грязь, но я остался на месте – как будто подвешенный за шиворот. Но длилось это недолго и я резко опустился обратно в грязь, как мешок с грязным бельем оказавшийся слишком тяжелым для переноски.

Я убью его! Убью лично!

Не успели злобные мысли оформиться в моей ушибленной бревном голове, как к моему удивлению жизненная искра мага последний раз невысказанно ярко полыхнула, раздался сдавленный хрип, что-то вроде птичьего клекота... и все затихло, на землю упало толстенное бревно, полетели вниз иглы.

Второй сдавленный крик и стоявшая позади искра столь же быстро потухла. Все... в зарослях остались лишь лошади – если говорить о живых существах.

Нет!

Вот еще одна! В стороне! Но чем-то она мне знакома...

С треском ветвей из орешника вывалился Рикар, утирающий рукавом окровавленное лицо, левая рука бессильно свисает, я отчетливо вижу пробитую посреди ладони сквозную дыру – кинжал, не иначе. Следом за здоровяком выскочил гном Тикса, маленький, взъерошенный, злобный, хромающий, в ноге выше колена торчит обломок стрелы. Их работа? С магом?

– Господин – сокрушенно прорычал Рикар, окинув мою фигуру пристальным взглядом – Кто ж боевого мага в лоб берет? Сзади! Сзади его обходить надо! И топором по умной голове!

– Топором! – зло поддакнул Тикса, выдирая из уха засевшую там иглу – По голове!

Высказавшийся Рикар развернулся и убрался опять в заросли, спеша забрать любимый топор. Если сопоставить все мною увиденное и услышанное, то выходит, что Рикар попросту метнул громадный свой топор в мага, попав ему прямо в умную голову. И маг такого обращения не пережил. И не заметил врага – ведь его внимание было полностью поглощено тремя мрачными воинами в черных плащах, что так небрежно переносили его жалящие и таранные удары.

Оглянувшись, я понял, что скоротечная схватка завершилась. Нападающих и было-то немного, даже сейчас, еще толком не разобравшись, я все никак не могу понять – какого склирса они напали? Их было слишком мало! Почему не побоялись неполным десятком напасть на четыре десятка воинов врага? Понадеялись на боевого мага в своих рядах? Возможно – видят Создатель с Темным, что сегодня я познал унижение и получил сильный урок. Жесткий урок.

Не вмешайся Рикар, Тикса и ниргалы – кто бы вышел победителем из этого боя?

Боюсь, перевес был не на моей стороне. Пусть доспехи выдержали – что наполнило меня гордостью – но я все равно был как бронированная черепаха атакованная сотнями жалящих пчел.

– Доклад мне! – рявкнул я в голос, сдирая шлем.

Охнул. Скривился в гримасе боли, взглянул на ушибленное плечо и выругался – в сочленении плеча торчал хвостик иглы, сумевшей найти лазейку в доспехах и таки ужалившей меня. Надеюсь маг не использовал яд. Хотя, я почему-то уверен – яда нет. Слишком уж азартен был охотник, слишком сильно ему нравился процесс охоты на двуногих зверей и в таком благородном занятии нет места подлым приемам.

– Погибшие? – повторил я крик, выдирая с корнем не дающий пройти куст орешника – Есть?

– Есть! – мрачно донеслось в ответ.

– Ну да – со злобным выдохом, проворочал я – Как же без этого, про раненых можно и не спрашивать. Бинтуйте раненых! Если есть подранки врага – не добивать! Зовите меня! Рикар! Что там?

– Два мертвеца – прогудел в ответ великан.

– Точно! – радостно поддакнул Тикса. Чему радуется паршивец мелкий? Так обрадовано говорит, будто ему подарок сделал.

– Надо было оглушить – вздохнул я, выбираясь наконец из зарослей и останавливаясь у лежащего в грязи трупа с раскрытой головой. Ох... это точно Рикара работа – голова прорублена практически полностью, топор вошел в правую сторону, разрубив на две половинки ухо, кость и мозг, в общем, разворотив все напрочь. С таким собеседником особо не поболтаешь....

– Мага-то? – поразился Рикар, пытающийся согнуть пальцы на поврежденной руке – Господин, окститесь. Таких сразу убивать надо! Одним ударом! И целиться в голову! Маг и без руки столько дел натворить может... ну да отца Флатиса в деле вы уже видали.

– Видал – признался я – А там кто лежит?

– Мертвец! – доложил Тикса, горделиво выпятив грудь – Но лошади живы!

– Уф... Тикса, тащи седельные сумки буде таковые найдутся. И живо! Хотя... стой, у тебя же стрела в ноге.

– Да? – удивился Тикса, опуская взгляд – О! Какая склирса меня стреляла? А?!

– Кто бы это ни был, он уже мертв. Рикар, командуй привал. Забери с собой Тиксу и подлатайте друг друга. А я огляжу пожитки мертвецов – вдруг они окажутся красноречивее, чем их владельцы с развороченными головами.

– Тут уж куда попал – туда попал – немного виновато пропыхтел Рикар, глядя на тех, кто уже никогда не заговорит.

– Ты все сделал правильно – не согласился я – Он мог бы кучу народу положить. Узнай что там с ранеными и погибшими. Что за проклятая дорога! Каждый шаг по ней мы оплачиваем кровью!

Моя черная удача не подвела – пожитки мертвецов оказались ровно такими, какие были бы у любого охотника, стража или посыльного ушедших или отправленных в не слишком долгую дорогу, подразумевающую обязательное возвращение.

Если человек отлучается из дома всего на неделю или две, он редко берет с собой что-нибудь личное, ведь не успеешь соскучиться по родным стенам и семьей, как уже вернешься обратно. Если же отлучка связана с путешествиями по сырому лесу, содержимое седельных сумок будет отчетливо предсказуемым.

Теплые сменные вещи, обмотки на ноги, сухие травы от запаха коих я расчихался на пару минут – в носу свербело так, будто там бешеный сверчок поселился. Там же нашлась одежда потеплее – вдруг заморозки вернутся. Сменные тетивы, наконечники для стрел, точила для ножей, посуда, запас различных круп, мешочки с солью и какой-то пряностью, много переложенных чистыми тряпками ломтей подсушенного хлеба, предметы для ухода за лошадьми, включающие в себя походную наковаленку, подковы, гвозди, копытные ножи, странные изогнутые крючки несколько зловещего вида. И снова одежда, мелкие инструменты, прочие обыденные пожитки любого опытного путешественника.

У одного из воинов – невозможно уже сказать у кого именно из убитых нами – в мешке нашлась бережно обернутая тряпочкой прядь женских волос перехваченных ленточкой. Он кого-то любил и был любим. Возможно строил планы о женитьбе – вряд ли женатый мужчина будет возить с собой прядь жениных волос. Такое может быть, но маловероятно. А мне так и вовсе безразличны эти страсти и надежды, если они исходят от врагов.

Сумки мага я нашел быстро – судя по одинаковой упряжи, ему принадлежало целых три лошади. Одна для личного использования, остальные для переноски груза. Иглы. Сотни железных игл. Очень большой кусок парусины, бережно сложенный и упакованный. Зачем магу парус в сумке? У меня возникло пара мыслей на этот счет, но они быстро угасли задавленные досадой на бесплодные поиски. Пожитки мага мало чем отличались от вещей обычного воина, не облагодетельствованного магическим даром. Сменная одежда, белье – обычное, шерстяное – принадлежности личного обихода.

Почему никто из вражеского патруля не вел дневник?

Не составлял записи о путешествии?

Нет и никаких странных знаков на их телах, позволяющих отнести их к какому-нибудь странному культу. С ними не было нежити. Никаких воняющих падалью мертвяков, клацающих клыкастыми челюстями пауков, пожирателей или еще кого слепленного из мертвой плоти и костей.

Нам противостояли боевая магия и острое железо. И это больше напоминало мне об элитных частях имперской армии – если судить по рассказам Рикара и прочих ветеранов наглядевших на вояк и хлебнувших армейской жизни сполна.

Патруль. На нас напал боевой патруль совершавший обход окрестностей. Причем, судя по всему, напал не в полном составе, ведь все указывает на то, что именно эти люди до стычки с нами схватились с армией Тариса. Они полные безумцы, бесстрашные, не ставящие ни во что собственные жизни. Я так говорю из-за их нападения на передовые отряды Тариса. При схватке с нами они могли сделать ставку на внезапность, на силы боевого мага. Опять же тяжело пыхтящие и едва идущие гномы Медерубы одним своим видом издали громко заявляют – мы еле ноги тащим, куда там драться! Впрочем коротышки меня удивили – их хватило злости на преодоление усталости и они не побоялись

ринуться в бой, несмотря на все неудачи в прошлые дни.

То, что это именно патруль говорила их численность – слишком малая для полного боевого отряда, хотя и сам не знаю, почему я так решил. В их вещах нет карты, но она и не нужна – патруль не уходит далеко от песчаной дороги, от этой клятой артерии созданной для перемещения ужасающих по размерам и пропитанных древней мерзостью гранитных блоков. Я не жалел о ненайденной карте – мне она тоже не нужна. Достаточно продолжать двигаться дальше по песчаной ленте брошенной поверх холмов, долин и лесков. И рано или поздно мы упремся во вражеские ворота.

Отшвырнув бесполезные сумки, я уселся на ближайшее возвышение оказавшееся крепким осиновым стволом рухнувшим из-за ручья подмывшего корни. Мои мысли крутились вокруг патруля...

Что происходит если боевое охранение территории – песчаной дороги – вдруг сталкивается с очень сильным и серьезным противником?

Ответ прост – первым делом следует отправить одного или двух воинов с предупреждением к основным силам. То есть – посадить кого-нибудь на быструю лошадь и велеть доставить сообщение о чужаках. И я готов спорить, что так и было сделано. А значит, весточка умчалась, и хозяева дороги уже знают о войске Тариса – это самое малое, в этом я твердо уверен. А про нас? Стал ли патруль сообщать о еще одном отрядедвигающемся в том же направлении? Или нас сочли за тыловой отряд войска Некроманта? Или подумали, что мы легкая добыча и не стали отправлять послание?

Надеюсь на их самонадеянность, но рассчитывать буду на худшее – хозяева местных земель уже знают о нас. Тем более что необязательно отсылать гонца с устным сообщением – достаточно отослать «вестник» или же голубя. Однако я не нашел «вестников» в вещах покойников и нигде не видел пустых птичьих клеток.

Что ж.... Буду отталкиваться от твердой убежденности в том, что с этого дня о нас знают. Вражеский лидер получил весточку о неожиданных гостях.

– Господин! – меня окликнул один из воинов, его юношеское лицо выражало удивление смешанное с толикой страха и непонимания.

– Что? – напрягся я, поднимаясь с облегченно захрустевшего осинового бревна. Часть коры слетела, обнажив потемневшую и словно бы закаменевшую поверхность древесины.

– Посмотрели бы вы... – замялся воин – Опасности нет, но такого я еще не видывал....

Не став противиться обуявшему меня любопытству, я зашагал в указанном направлении, не обращая внимания на сопровождения из ниргалов.

Далеко идти не пришлось. Лишь миновал взгорок, перепрыгнул дважды петлю русла быстрого ручейка, преодолел каменистую осыпь и остановился рядом с двумя могучими дубами, что так же как и я удивленно взирали вниз.

Не знаю, как назывались эти деревца образовавшие довольно внушительную рощицу. Не осины, не дубы, не сосны. Отличительный признак – странно тонкие стволы с желтоватой корой и множеством странно ломаных ветвей с обилием сучков. Ветви столь же странные, как и стволы – они длинные, горизонтальные, с легким наклоном вверх, но слишком тонкие на всем своем протяжении. На каждой ветви каждого дерева насажены черепа. Нет, не насажены, а продеты так же как бусины на нить, причем дыры делались в боках черепа, и нанизаны они правильно, макушкой вверх. Нижних челюстей почти не имелось – отпали уж давно видать. Все остальное сохранилось в различной степени – потому как черепа насаживались сюда в разное время, разница здесь составляла годы, десятилетия и века.

На ближайшем ко мне странном дереве виднелась парочка совсем уж замшелых, потрескавшихся и почерневших черепов выглядевших совсем жалко, грозящих вот-вот рассыпаться при следующем дуновении ветерка. А чуть ниже небрежно насажена черепушка куда свежее, с остатками свернувшейся плоти, сидящие рядышком три вороны жадно клюют по теменной кости черепа, выстукивая странную и жутковатую барабанную дробь.

Кстати о черепах.... Их много, очень много. И они разные.

Люди, гоблины, шурды, сгархи, медведи, волки, рыси, кабаны, костяные пауки и даже киртрассы.

Тут представлены только грозные существа способные убить. Черепа сгархов доминируют, их невозможно не узнать, эти чудовищные пасти способные перекусить человека пополам.

Тут все вперемешку, нет никакого порядка, черепа насаживали один за другим, просто пробивая в них дыру и втыкая на ближайшую ветвь.

Я простоял здесь недолго, после чего развернулся и зашагал вниз.

– Что же это?

– Стена трофеев – отозвался я.

– Стена трофеев? – повторил один из монашков успевший проникнуться зрелищем.

– Да – ответил я. Монашек позабыл от удивления про неприязнь ко мне и устремился следом – Роща трофеев. Стена трофеев. Лес трофеев. Никогда не видели в дворянских замках стены с головами оленей, кабанов, волков и медведей? И про каждую такую голову надувшийся от гордости хозяин дома может рассказывать часами – вот этого оленя они гнали весь день, вот этот волк был людоедом и успел полакомиться пятью крестьянами до того как его шею пробила пущенная хозяйской рукой стрела. А вот этот медведь год наводил ужас на дальние селения.... Не думаю, что здесь есть подоплека, святые братья. Те, кто следит за этой землей и дорогой убивают каждого незваного гостя. Убивают и хищников – может из предусмотрительности, а может из-за скуки и забавы ради. Что еще делать патрулям в долгом объезде? Один лес вокруг.... До дома далеко, туда волчьи и медвежьи головы не доставишь, завоняются по дороге. Вот и сделали себе стену трофеев, а теперь поддерживают традицию уже больше века – не думаю что самым древним и уже рассыпающимся черепам меньше века. А скорее со времен первого трофея минуло уже два столетия. Но вот деревья странны для меня – высокие, старые, но стволы тонкие, ветви тонкие....

– Это тонкопрутный болотник – ответил один из монахов – Говорят, раньше он был высок, мощен и красив и цвел круглый год, но затем возгордился и начал затмевать солнце другим деревьям своими ветвями, начал насмехаться над ними и тиранить, чем разгневал Создателя. И теперь на веки вечные должен он

страдать в таком обличье наводя страх и вызывая отвращение. В ветреные дни он очень сильно скрипит – протяжно и жалобно, видать страдает и просит прощения....

– Поучительно – кивнул я – Не возгордись.... Рикар! Как там наши дела? Есть ли погибшие?

– Есть, господин Корис! – послышался в ответ хриплый рев здоровяка – Как не быть! В этом мы сильны – в погибании на поле боя! Ох!

– Чтоб вас всех – вздохнул я и бросил взгляд на начавшего отставать монашка – Почувствовали иронию, святой брат? А смысл послания?

– Иронию? Смысл?

– Охотники гордятся своими трофеями и бахвалятся ими. Он возгордились не на шутку, наплевали на уважение к останкам. Но что главное – они нацепили ужасающие трофеи на проклятые Создателем деревья. Вокруг столько более пригожих деревьев, но выбрали именно тонкопрутный болотник. Возвеличили и украсили его. И сделали так, чтобы при ветре казалось, будто это не ветви болотника скрипят, а насаженные черепа издают общий дикий крик. Могу биться о заклад, что это не единственная их «стена», если по пути встретим мы еще такие вот деревья, то и они будут украшены столь безбожно и любовно.

– Я не могу уловить....

– Те, кто это сделал, говорят отчетливо и ясно – нам плевать на Создателя, плевать на ваши обычаи и уважение, те, кто проклят вами и богом вашим – наши друзья. А самый главный посыл таков – это наши земли, берегитесь! Ибо в чужих домах охотники своих трофеев не вешают.... Поэтому осторожней братья монахи – поглядывайте по сторонам и молитесь пуще. Скоро хозяева навестят нас, и их прием покажется нам чересчур горячим.

– Они... – монах с удивительной осторожностью подбирал слова – Они защищают рубежи? Границы своих земель?

– Да – уверенно кивнул я – От всех подряд. Им плевать кто ты, для них мы не больше чем добыча. Вот только на нас они зубки пообломали. Помогите раненым, проводите павших, братья монахи.

– Гномы молятся другим богам – заметил священнослужитель и осекся, напоровшись на мой неласковый взгляд.

– Проводите павших – с нажимом повторил я и зашагал прочь.

– Слушаюсь – донеслось мне в спину.

Вскоре мы вновь двинулись дальше по проклятой песчаной дороге, где казалась каждая песчинка покрыта запекшейся кровью путешественников. Мы щедро платили кровью за каждую лигу пути! Платил и Тарис шедший впереди нас. Платил куда больше нас, безразлично бросая на песке трупы павших замертво шурдов и гоблинов.

Что ж, дорогу осилит идущий. И тот, кто готов заплатить любую цену за движение вперед.

Не знаю, как думает об этом восставший из мертвых принц Тарис Ван Санти, а вот я знал точно – я готов заплатить любую цену ради достижения своей главной цели. Если нам все суждено здесь умереть – что ж, такая цена вполне справедлива, коли я умру после того как наслажусь мучительной агонией врагов и проклятого некроманта.

Глава четвертая

Конец пути. Начало осады

Любая дорога когда-нибудь подходит к концу – мудрая старая мысль услышанная мною от кого-то и когда-то. Я был готов подписаться под ней сотню раз – ведь за время пребывания в Диких Землях я успел много раз побывать в дороге и некоторые из моих путей порой оказывались крайне мучительными. Но и те дороги подошли к концу. Завершилась и эта....

Вернувшиеся разведчики торопились, нещадно нахлестывали лошадей. Сначала я подумал, что их преследует враг, Рикар мыслил так же и дал команду приготовиться к бою. На самом же деле посланные в разведку воины спешили остановить нас, неся важную весть.

Тарис остановился....

Дорога подошла к концу.

Оставив позади отряд, взяв с собой пять спутников – Рикара, Литаса, Тиксу и двух ниргалов – я выдвинулся к виднеющемуся впереди небольшому на вид леску из очень старых деревьев. Двигались мы неспешно, внимательно посматривая по сторонам. Шурды по словам разведчиков остановились. И начали разбивать лагерь, причем не временную стоянку лишь на одну ночь, а нечто куда более грандиозное.

Вскоре я убедился в точности их донесений.

Шурды валили лес. На моих глазах со страшным шумом одна из величавых толстенных сосен начала медленно заваливаться прямо на дорогу. Ломая по пути редкие мелкие деревца и глубоко вмяв землю дерево рухнуло, едва заметно вздрогнула земля. Несмолкаемым дробным стуком до нас доносились удары топоров.

Лесок оказался и впрямь небольшим, вернее сказать – не широким. Мы стояли на самом краю... гигантского кольца? Нет, скорее его следа.

Открывшийся мне вид был потрясающим. Полное впечатление, что много тысяч лет тому назад здесь упало тяжелое кольцо громаднейшего великана. Оно пробило землю на много локтей вглубь, оставило четкий отпечаток. Затем кольцо подняли, и великан ушел прочь. А отпечаток кольца остался – правильный круг в поперечнике достигающих около трех лиг, если меня не обманывал взор. Посередине округлая возвышенность из земли и камня, вокруг нее низменность, переходящая в идущую кругом возвышенность – на краю коей мы и стояли сейчас. Некогда здесь все было покрыто старым лесом, но теперь деревья остались лишь на внешней возвышенности, а низменность вплоть до горы красовалась голой землей. И песчаной дорогой сбегавшей по склону и

прямой струной тянущейся к центру, к подножию горы, где скрывалась в огромной дыре, больше всего напоминающей зев шахты.

Главная возвышенность, ненамного поднимающаяся над низиной, выглядела столь обычно, что создавалось впечатление, что земляной горе с вкраплением камней намеренно старались придать облик обычной горки, каких немало во всем мире. Там и сям кривые деревца, пятна низкой растительности, голые проплешины обнажающие бурую землю, редкие островки камней. Добавить туда пару оленей – и вот тебе первозданная природа. Однако уходящая в недра горы песчаная дорога заставляла задуматься – все ли здесь так просто? Я решил, просто по наитию, что изначально это место усиленно скрывали, приложив чудовищные усилия. И уже позднее, спустя долгое-долгое время, надобность в сокрытии отпала, ибо сюда явились те, кто был настолько силен, что ему не требовалось скрываться.

Почему я так решил?

Лес.

Пока мы шли сквозь старый небольшой лесок, что рос вокруг сего загадочного места, я быстро понял, что самые старые деревья, замшелые гигантские сосны и ели, растут в правильном порядке – ровными бесконечными рядами. Деревья хвойные, вечно зеленые, они в любое время года служат надежной преградой для взора. В низине вокруг горы они так же были наверняка посажены, но позднее вырублены – когда пришло время. Только в одном месте остался десяток другой высоких елей, прикрывающих собой от ветра несколько крепко сложенных бревенчатых построек расположенных у подножья горы шагах в тридцати от песчаной дороги. Но тотальная вырубка не смогла скрыть сути – в незапамятные времена деревья были здесь посажены чьими-то руками. Сотни и сотни саженцев были опущены в сотни и сотни ямок, после чего обильно политы и оставлены так.

Чей же коварнейший и мудрейший замысел прослеживается здесь?

Уже многожды я натыкаюсь на эти странности, многожды мой разум пасует, не в силах разгрызть орех загадки – не хватает сведений.

А загадок с каждым днем все больше....

Требующая немыслимых затрат колоссальная Пограничная Стена перегородившая материк и отдавшая одну его часть в лапы кровожадных шурдов некромантов.

Отсутствие попыток со стороны покромсанной Империи забрать земли обратно под свой контроль.

Высаженное огромное количество сосновых и еловых саженцев вымахавших за века в угрюмый лес, надежно скрывающий свое сердце – вот эту странную земляную горку посреди круглой низины. И ведь посажены деревья в те времена, когда эта земля была населена людьми, когда здесь бурлила жизнь, распахивались новые поля, вырубались леса. Однако лес устоял, сохранился до наших времен. Стало быть, защищали его? Кто-то отваживал новых жителей подступающих к опушке? Прогонял охотников? Или убивал? В лесах часто пропадают – кто узнает под каким кустом лежат косточки исчезнувшего храбреца охотника?

– Господин Корис? – подал голос Литас – Гляньте. Разошлись твари....

Да, он был прав – твари разошлись не на шутку.

Не чувствующие усталости мертвяки мерно взмахивали топорами. Их неуклюжесть сводилась на нет силой, при каждом ударе топоры глубоко уходили в бессильно скалящуюся острыми щепками древесину. Сосны и ели падали одна за другой. В воздухе витали острые запахи смолы, щепы, древесного сока. Все это смешивалось с запахом дыма – внизу один за другим зажигались костры, десятки костров, сотни. Черное шевеление шурдов показывало насколько оживленно и надолго они обустраивались. Среди костров посверкивали зеленые искорки из глаз костяных пауков носящихся из стороны в сторону словно посыльные разносящие приказы полководца. Возможно так оно и было – пауки то и дело подбегали к центру, где уже подняли очень большой шатер. Ставка Тариса? Дорого бы я дал, чтобы вдруг оказаться там, в шаге от шатра....

Получится ли прокрасться незаметно сквозь ряды шурдов и нежити?

– Нам что делать? – пророкотал едва слышно Рикар. Глаза ветерана блеснули, он пристально изучал вражеский лагерь. Наверняка уже подсчитал и мертвяков и пауков, былые привычки так просто не исчезают.

– То же что и они – кивнул я на врагов – Разобьем лагерь. Вернемся назад по дороге на лигу, отойдем в сторону, выберем подходящее место. Но не в лесу – на открытом пространстве. Вернее, в одной из тех небольших светлых рощиц, что мы проходили по пути сюда.

– Я помню об одном подходящем месте – произнес Литас – Старые и молодые деревья растут вперемешку, много валежника, есть ели и сосны – нарубим лапник. Прикажете выступать, господин?

– Отправляйтесь – ответил я – Все. Со мной останутся ниргалы и Рикар.

– Но... – начал Тикса.

– Нет – качнул я головой – Ты нужен мне там, с Медерубами. Ты один из их племени, Тикса. Ты лучше понимаешь их беды, нужды, чаяния. Больше разговаривай с ними, не дай угаснуть их надежде. И вразуми их! – мы рядом с теми местами где томятся их женщины и дети. Они должны остаться на месте! Каждый из них! Слушай их речи, друг, как услышишь что кто-то подстрекает остальных на глупость – вразуми его! Понадобится – так и кулаком! Понял?

– Понял! Тикса вразумит! Очень хорошо вразумит!

– Спасибо – поблагодарил я – Этим ты снимаешь с меня тяжелую ношу. Надеюсь на тебя.

– Тикса сделает – кивнул уверенно коротышка – Медерубы будут сидеть смирно. Если нет – я возьму молоток и верну в их головы терпение.

– Хорошо. Пока ты не ушел, Тикса. Погляди на эту гору и скажи что ты думаешь – я указал на странную возвышенность вбирающую в себя песчаную дорогу. Наверное, именно туда втащили все гранитные блоки вырубленные в далекой каменоломне?

– Странная гора! – тут же заявил Тикса.

– Чем?

– Всем! Всем-всем! Каменный Отец никогда не сотворит такой плохой горы. Она.... – гном замялся, не в силах объяснить – Она... гора не гора! Вот!

– Гора не гора? – повторил я.

– И что это значит? – рыкнул Рикар.

– Выглядит как гора – пояснил Тикса – Но не гора!

– Морок навели? – предположил Литас.

– Нет-нет... не морок.... Это гора! Но не гора! – выдохнул в сердцах гном – М-м-м... вот! Есть горы настоящие – как Подкова наша. Сотворенная Отцом. Хорошая и настоящая скала! Добрая скала! А есть такие вот горы – собранные в кучу из земли и камней кем-то нарочно. Как детские глиняные холмики, что лепят наши дети. Только здесь гора больше! И лепили ее не так, чтобы она красивше была, а чтобы была похожа на настоящую гору! Ух... не выходит объяснить... очень трудный ваш язык!

– Я понял – ответил я – Эту гору кто-то насыпал нарочно. Либо гномы....

– Не гномы! – категорично заявил Тикса.

– Либо люди.

– Да! И делали так, чтобы было похоже на обычную горку! Но в настоящей горе камни так из склонов торчать не станут! А земля так не ляжет! Про кусты и деревья не знаю,... мы гномы деревья только сжигать любим, просто смотреть на них не любим.

– Ладно, отправляйся в лагерь – вздохнул я – Но ничего там не сжигай. Литас, выступайте! Через часов пять отправь сюда тройку воинов на лошадях. Пусть сменят нас.

– Слушаюсь, господин!

Когда Литас и Тикса убыли, я приказал ниргалам отдыхать, а сам устроился рядом с Рикаром на земляном бугре. Наши взгляды были устремлены вниз. Там, у основания внешнего земляного кольца, в четверти лиги от нас обустраивали стоянку солдаты Тариса Некроманта.

– Неужто надеетесь на что, господин? – спросил Рикар, доставая из мешка кусок мяса и начиная его нарезать небольшими кусочками.

– Надеюсь – признался я – Вот бы сейчас выскочило из-за деревьев войско чужое да напало бы на армию Тариса. И чтобы полегли они все в жестокой схватке.

– А мы бы полюбовались, плюнули на их тела поганые, да убрались неспешно домой – подхватил здоровяк – Эх! Вот бы так и было! А то не дай Создатель договорятся склирсы вонючие да на нас двинутся.

– Ой сомневаюсь – хмыкнул я – Нет, Рикар. Вряд ли кто будет с Тарисом договариваться, коли верна моя догадка. Он для них такой же враг, как и для нас. А может еще ненавистней и опасней. Тарис для них как вернувшийся с того света страшный кошмар. И мнится мне, что Тарис сыграл в их игре роль разменной фигуры. Может фигуры не самой малой, но что разменной – это точно. Он как ребенок, которому показали вкусную конфету и попросили растоптать муравейник. Тот обрадовался, муравейник разорил, а вместо конфеты получил кинжал в спину и заточение в каменном ящике на пару веков. И сейчас некогда розовощекий малыш выбрался из гроба. И он настолько хочет отомстить за обман, что позабыл про меня – того, кто отправил его на дно Мертвого озера. Так что нет, я не верю, что им удастся договориться. Они как огонь и вода. Поэтому я и надеюсь увидеть, как они вцепятся друг другу в глотки. А затем улучшить момент и добить оставшихся в живых, не разбирая где какая сторона. Ты мне другое подскажи, старый друг.

– Чего?

– Что в этой горе странной, не всамделишной? Что под почвой и камнями наваленными скрывается?

– Что-то строят – быстро ответил здоровяк – А что тут думать, господин? Глыбы огромные внутрь почитай двести лет затаскивают, коли правильно вы посчитали. Не в порошок же их дробят.

– Я бы не удивился – фыркнул я.

– Да нет. Так бы их прямо там дробили – в каменоломне. К чему волоком тащить каменюги неподъемные, раз их можно прямо на месте в пыль обратить? Нет, господин, это для возведения постройки. А вот что за постройка – кто его знает? Разве что храм поганый некромантский.

– С чего ты так решил? – цепко взглянул я на великана Рикара, задумчиво поглаживающего бороду.

– Так страшилок старинных полным-полно про храмы поганые, что некогда по всем землям раскиданы были – пояснил Рикар – Каждый ребенок раньше знал – кто из моих ровесников или постарше. Это нынче святоши запрещать начали такие сказы сказывать – чтобы забылось мол раз и навсегда бывшее черное, бывшее страшное и кровавое. Людишек ведь в тех храмах резали десятками и сотнями аки мы курей и уток режем. Резали без жалости, не разбирая где млад и где стар. К мольбам и плачу не прислушивались.

– Это я слышал.

– И мы слышали – усмехнулся старый воин – Мясо будете?

– Поем – принял я предложение и получил кусок неплохо пахнущего мяса – Но двести лет строить один единственный храм? В этой горке высоты не так уж и много. Знаю что тут дело особое, со многими ритуалами черными может быть связано, или там каждый блок с песнями и жертвами на место ставить надо, однако двести лет! Да я бы до небес башню воздвиг за это время!

– Коли не идет вверх – идет вниз, стало быть – вновь не промедлил с ответом Рикар – У тех же коротышек подгорных города подземные так обширны и велики, что рот разинешь от ошеломления глубокого. Да нескоро его и закроешь – есть там чему изумляться на каждом шагу.

– Нет – качнул я головой, хотя и сам не знал почему – Не станут они слишком глубоко под землю зарываться. К чему? Они не колодец строят.

– Ну.... Мы только гадать можем, господин.

– Только гадать – согласился я, прищуривая глаза и скользя взором в сторону, туда, где в громадную чашу спускалась череда старых оплывших грязевых оползней поросших самосевным сосняком – Перекусил, старина? Восполнил силы чуток?

– Поспать не помешает, но на ногах еще стою – прищурился в ответ Рикар – Собрались куда?

– Верно. Собрался. Ты со мной? Аль здесь посидишь?

– Куды вы – туда и я, господин. Сами знаете.

– Знаю – кивнул я – Знаю. Сейчас, когда Тарис с войсками подошел к концу дороги, местные хозяева все внимание сосредоточат на них. По сторонам особо глядеть не станут....

– Ой вряд ли – хмыкнул здоровяк – Нет, господин. Тут не дураки поди сидят. Что такое обманный маневр знать должны, а если сами не знают – наймут человека в этом деле ученого, опытного. Нет. Посты стоят там, где и должны стоять, проверяют их ежечасно. И стоят посты так, чтобы ходить туда-сюда было недалеко, и чтобы соседних воинов хорошо видеть было – коли вдруг пропадут соседи, то другие враз тревогу поднимут. Посему, господин, коли надумали вы найти заднюю дверку чтобы внутрь проникнуть и осмотреться – забудьте это дело. Скрытно мы и пяти шагов не пройдем – если с вами и ниргалами я пойду. Коли в одиночку двинусь – шагов полста может одолею, а там все одно меня кто-нибудь да углядит – лучники быть должны на высоте, вон на той горке неправильной сами видите сколько кустов и деревцев имеется. Скрытно нам не подойти, без шума часовых не снять. Не верю что удастся.

– Так... – задумался я – И спорить с тобой не стану – в этих делах ты куда знающей меня. Но внутрь заглянуть хочу. Хотя бы одним глазком.

– Дурость это великая, господин.

– Сам знаю что дурость. И что великая. Даже преогромная. Но мы ведь не ведаем к чему пришли – это не город, это не крепость обычная, не яма глубокая, не шахта и не храм. Это просто странная горка посреди большущей ямины и мы все собрались на ее краях. Я ожидал увидеть мрачный каменный жертвенник величественный и страшный. Ожидал увидеть закутанных в черные плащи с глубокими капюшонами стражей стоящих у входа, реющих в воздухе некротварей, орды нежити марширующей перед главными воротами.... А мы пришли к мирной горке поросшей кустиками.... И что это?

– А шут его знает, господин. Но раз уж так хотите глянуть....

– Ну-ну – поощрил я Рикара.

– Попробуем по методе сорвавшегося с привязи быка.

– Это еще как?

– А как раз, по-вашему, и выходит, господин, уж не в обиду будет сказано. Когда бежишь что есть мочи вперед, и бьешь всех, кто под руку попадется.

– Ну спасибо... однако это уже не вылазка, а настоящая атака получается. Собрался штурмом брать?

– Атака или вылазка боем – зависит только оттого, насколько глубоко во вражеские ряды забрался, господин. Мы чай с мозгами в голове, а не с кипятком дурным, через край плещущим – пройдем с шумом и гамом до нужного места, глянем издали, что к чему, да и кинемся прочь что есть мочи. И уходить будем так, чтобы неподалеку от сил Тариса пройти. На таком расстоянии чтобы нас они не настигли, а вот к преследователям нашим успели.

– Ну ты и хитер – с уважением признал я.

– Не я. То хитрость древняя. Еще предками нашими многократно использованная и отточенная. Заодно и проверим насколько новый враг умен и опытен. Это дорогого стоит – без порчи шкуры о силе врага узнать.

– Так мы и поступим – решил я, дожевал мясо, приподнялся и указал на ряды подходящих к середине чаши горок – Подойдем оттуда. После чего ринемся вперед. Сначала ниргалы. За ними я. Сразу за моей спиной ты, Рикар. И не спорь! У меня и доспехи попрочнее будут и шкура потолще.

– Ладно – покладисто кивнул Рикар – И за то благодарен, что не отправили к остальным, чтобы потом в одиночку на подобное решиться. Литаса кликнем?

– Нет – мгновенно ответил я – Рикар, я нарочно отослал прочь всех кроме тебя и ниргала. Ты все одно не ушел бы. А ниргалы и я.... Если мы погибнем внезапно, то может оно и к лучшему, если уж откровенно сказать. Погоди! Не спорь! Рикар, ты хоть раз думал, что случится, если я помру сей час, а ниргалы останутся? Как думаешь, что тогда Однорукий и Шрам сделают? Продолжат сидеть молча? Пойдут вразнос и вырежут половину поселения? Если погибнем сейчас в вылазке – мне будет жаль только тебя.

– Не накликайте беду, господин!

– Если мы умрем – Литас уведет всех назад тем же самым путем, вернется в поселение. И коли Создатель не попустит, коли одарит хотя бы толикой милости своей – у поселения останется немало надежд на будущее. Ну что, готов рубить и кромсать?

– Коль что кровавое – так мы завсегда готовы, это дело легкое, чай не поле пахать.

– Тогда пошли....

Глава пятая

Вылазка

Первые стрелы ударили в Однорукого. Но не похоже чтобы ниргал обратил внимание на такой пустяк. Он и бега не замедлил, продолжив нестись плечо к плечу со столь же молчаливым собратом. Я мчался аккурат за ними, тяжело

бухая металлическими сапогами по сырой земле. За мной бесшумно бежал Рикар, единственный из нас кто казался беззвучным призраком. Единственное мне оправдание – в столь тяжелых доспехах на цыпочках не побегаешь.

Двух лучников – столько я заметил – ждала грустная судьба после первого же их залпа. Ниргалы вскинули арбалеты, щелкнули спуски, прогудели тетивы, вниз по склону горки закувыркалось безвольное тело одного, второй же сучил ногами среди кустарника, схватившись на вонзившийся чуть выше пупка болт.

– Ох... – издал странное оханье-вдох один из стоявших внизу охранников. Совсем молодой парень – юное веснушчатое лицо, голова маловата для столь большого шлем, а тонкая шея кажется слишком тонкой – что и доказал меч одного из ниргалов, перерубивший ее и отправивший молодую голову в короткий полет к земле.

Там было еще трое – эту четверку воинов мы заметили издалека и что есть сил бросились к обходящим свою территорию часовым. По пути нас засекли лучники, попытались убить, но потерпели фиаско. А вот мы жатву крови взяли. Два лучника и три часовых погибли столь быстро, что ниргалы казались посланниками самой смерти пославшей их по чужие души. Четвертый схлопотал от Рикара тяжкий удар по голове самым обычным камнем, который здоровяк подобрал по пути сюда. Ну да – если шарахнуть топором, то побеседовать вряд ли уже получится. Рикар мало что делал вполсилы.

Я же не стал останавливаться рядом с местом короткой стычки, продолжив бежать вперед, напрямик к горке. А мне навстречу неслась еще одна четверка часовых – в таких же кожаных доспехах, шлемах, одинаковых серых просторных штанах и сапогах. Их снабжение не знает недостатков. А вот воины особой сообразительностью не отличаются – увидев одинокого воина вырвавшегося далеко вперед, они решили его прикончить. Я испытал некий отстранённый азарт – а получится ли у них? Так вековой дуб презрительно смотрит на подошедшего к нему человека с топором в руках. Но дуб проигрывает и падает... не стоит ли мне поубавить спеси?

Удар....

Я действовал своим способом. Удару меч я предпочел удар плечом, вбив его в грудь первого из воинов вооруженного длинным мечом со странной формы

лезвием. Он успел рубануть меня между шлемом и плечом, но до моей плоти не добрался. А вот я отчетливо ощутил хруст его ребер – до столкновения я бежал очень быстро, ударил всем весом тела в доспехах. Противника отшвырнуло назад. Он беззвучно разевал ставший окровавленным рот, выплевывая кровавую слюну и пытаюсь сделать вдох. На меня обрушился тройной удар вражеских мечей. Но доспехи вновь с честью выдержали натиск. Дай противнику время и он сумеет найти мое уязвимое место, однако я не был столь великодушен, равно как и мои подоспевшие друзья.

Оставив на земле еще четыре бездыханных тела мы прошли дальше. И чуть задержались на пороге самой настоящей массивной двери вырезанной в теле горы. За ней шел длинный понижающийся коридор скупо освещенный одиноким светильником. Мне в ноздри пахнуло подземной сыростью, теплом, запахом съестного. До ушей донесся шум слитый в единое бормотание....

– Либо туда – либо назад – произнес ничуть не запыхавшийся Рикар – Стражи вокруг много. Вот-вот заметят учиненное нами безобразие.

– Туда – решительно произнес я и двинулся вперед, перешагнув мощный каменный порог.

Сама дверь тоже из камня. Толщиной в две ладони. Целая плита. Что же за петли ее удерживают? Позади нее, через десять шагов еще одна – уже деревянная, окованная железом. И закрытая. В середине решетка небольшого оконца. Ячеи узкие, не пролетит стрела. За решеткой прикрытая ставня. Но дверь чересчур хлипкая, не похожа на серьезное препятствие для вооруженных мужчин знающих что такое таран и огонь.

Я уперся рукой. Налег. Дверь не шелохнулась. Хотел попробовать топором, но меня ухватил за плечо здоровяк и молча указал вверх. Я поднял глаза и вздрогнул – над нашими головами тянулась деревянная решетка поверх которой тяжким грузом лежали камни. Тут не надо быть мудрецом дабы понять – поднимись тревога, ударь, кто в дверь наглее, чем обычно и кому-то по ту сторону достаточно дернуть за рычаг или веревку, чтобы обрушить на наглецов массивные глыбы.

Задумчиво поглядев наверх, я пожал плечами, повернулся, чтобы уйти, но раздался легкий скрип и дверь начала открываться....

Я чуть подался назад пропуская мимо себя край двери и резко рванулся вперед, зажав в ладони горло воина с пышными усами и чересчур щеголоватой бородой.

– Дисциплина страдает – поведал я воину прежде чем свернуть ему шею. Отбросив умирающего в сторону, я ударил мечом бросившегося к стенной нише часового. Ударил с такой силой, что прорубил шлем и рассек череп. Ворвавшийся следом Рикар схватился сразу с тремя врагами. За ним тяжело и грозно вошли два ниргала, сразу нацелившись смотровыми щелями шлемов на врагов.

Наша боевая разведывательная вылазка внезапно превратилась в чуть ли не настоящий штурм. Что ж – я не был против. Медленное продвижение вслед за войском Тариса давно уже мне наскучило.

А еще я.... Я немного проголодался. Что-то внутри меня, нечто вечно жаждущее, давно уже металось в моей утробе и требовало, требовало, требовало чего-нибудь куда более особенного чем обычная похлебка из общего котла и травяной настой. Я жаждал ощутить теплые капли чужой крови на лице, почувствовать как моя кожа поглощает силу....

И вот оно....

Рванувшись на помощь здоровяку, я сумел урвать себе кусок пирога – буквально выхватил из рук Рикара последнего уцелевшего, но покрытого ранами воина, после чего вырвал ему горло. Рикар с глубокой обидой взглянул на меня, покачал головой в немом укор – он ведь почти дотянулся своим топором.

– Кто успел – тот и поспел – хрипящим шепотом невозмутимо поведал я.

– За вами поспеешь! – проворчал здоровяк, тыльной стороной ладони стирая с топорика потеки красной влаги – А собеседника мы так и не нашли! К чему вот всех перебили? Ровно хорьки в курятнике....

– Соскучились – пожал я плечами и Рикар понимающе кивнул. Наши души требовали боя. Мы устали от простой ходьбы по лесным дебрям.

– Дальше?

– Дальше – усмехнулся я – Но сначала....

Шагнув к отворенной тяжелой двери, я вбил лезвие трофейного меча, дернул оружие на себя. С жалобным треньканьем меч разлетелся на куски, в моей руке осталась лишь рукоять.

– Ну-кась.... – меня оттеснила ручища Рикара, он приладился зачарованном топором, налег на топорище всем телом. Застонал протяжно металл, мощные дверные петли начали с хрустом изгибаться, выворачиваться из гнезд. Еще один рывок, затем еще один. Усиленный магией топор с легкостью выдерживал приложенную к нему нагрузку, а вот металл и дерево двери оказались не столь стойки. И с каждым мигом поддавались напору хрипящего Рикара....

Вскоре дело было сделано.

Дверь перестала закрываться, и для верности была заблокирована, утопленный в стенной нише рычаг полностью убран, сама ниша забита тяжелым камнем служившим скамьей местным стражам. Теперь никто не сумеет перекрыть нам путь к отступлению – во всяком случае, сделать это быстро не получится. В довершение всего я подхватил со скального пола тела погибших охранников и воспользовался ими как дополнительными блоками – тело одного сумел втиснуть в нишу заткнутую камнем, не обращая внимания на хруст его костей. Остальные трупы набросал у двери, так, чтобы они служили надежным препятствием. Будь у меня сил как у обычного человека, пришлось бы попотеть, а так я управился за то время, что Рикар потратил на вытирание рук о висящий на стене теплый плащ. Видимо в зимнее время тут те еще заморозки.

Несмотря на недовольное пыхтение Рикара и молчаливое неодобрение ниргалов, я возглавил наш спятивший отряд. Хотя видит Создатель здесь было где развернуться – широкий коридор поражал своей солидностью, ровностью пола, стен и потолка. Через равные промежутки горели факелы – причем ярко и практически без копоти, хотя на потолке заметны черные пятна сажи. Но факелы точно непростые – видать делал их мастер своего дела и не из абы каких материалов. К чему я это? К тому, что даже в крохотных мелочах чувствовалась именно солидность, богатство, отсутствие экономии. Тут все поставлено на широкую ногу – как во дворце богатейшего короля, чья казна ломится от золота и драгоценных камней.

– Работа гномов – тихо молвил идущий позади Рикар, явно недовольный доставшийся ему ролью. А что поделать? Он самый уязвимый из нас четверых. И ветеран осознавал это, поэтому бурчал больше для приличия.

– Коридор?

– Он самый. Коротышки потрудились. Из невольников?

– Из них самых – кивнул я, зная, что Рикар увидит мой жест – шлем я снял, хотя и понимал, что делаю глупость. Но мне требовались все органы чувств в полной мере, а глухой ниргалий шлем служил просто превосходной заглушкой для слуха и зрения.

– Но где их держат?

– На поверхности – ответил я – Думаю с другой стороны горки. Или в паре лиг отсюда – там, где основное поселение. Здесь не живут, Рикар. Это... это место работы, место службы. Как оставленные нами каменоломни.

– Хм.... Почему решили так, господин? Место здесь защищенное. Надежное. С наскоку приступом не взять....

– Мы взяли.

– Мы взяли.... Но думается мне, что взяли мы только дверь и кусок коридора. И скоро нас отсюда попрут как поганных склирсов с городского кладбища. Так почему не живут?

– То же ощущение что и там, в каменоломнях – пояснил я – Будто что-то нависает над головой, копошится под ногами, витает перед глазами. Кто-то шепчет что-то в уши неразборчиво, дышит в затылок и остро покалывает иглой между лопаток.

– Я такого не....

– Почувствуешь – перебил я мягко и уверенно – Здесь гнездится что-то темное, Рикар. И с каждым шагом я ощущаю это все сильнее. Здесь что-то очень темное

и очень древнее. Колышущаяся тьма....

– От сказали, так сказали!

– Как мог – усмехнулся я и резко поднял руку – Тихо! Шаги!

– Много? – деловито поинтересовался упавший на колено здоровяк, мигом приложивший ухо к холодному камню.

– Не знаю.... – шепотом отозвался я, чуть отступая и вжимаясь в стену.

Ниргалы наблюдали за мной с ледяным спокойствием и, как мне показалось, с некоторым презрением – ну-да, столь мощным рыцарям как мы прятаться не к лицу. Мы атакуем в лоб и проломим любую защиту....

Как выяснилось через несколько мгновений, подобным образом размышляли не только мы. Едва различимые шаги переросли в мерный гулкий грохот, показавшийся мне чересчур знакомым, почти родным. Не успел я разобраться в этом впечатлений, как из-за косого поворота, из дымного сумрака подземелья, к нам шагнуло четыре массивные фигуры. И мне почудилось, что это я сам тяжело шагаю по камню – ибо идущие к нам незнакомцы были облачены в знакомые мне доспехи, глухие шлемы, а за их плечами покачивались черные плащи. Ниргалы.... К нам шагали ниргалы!

Щелчки разряженных арбалетов раздались одновременно. В отшвырнувшего меня в сторону Шрама ударило сразу два арбалетных болта и со звоном отлетели прочь. Со злым ворчанием я ударился о стену, оттолкнулся от нее и прыгнул вперед, избежав хватки Однорукого, попытавшегося оттеснить меня назад, в то время как Шрам выхватил меч и шагнул к врагу. За его спиной встал Рикар, держащий наготове топор.

Давно такого не бывало, чтобы меня пытались убрать с поя боля.

Что ж.... на этот раз нам противостоял действительно грозный противник – могучие и бесстрастные ниргалы. Их не уговорить, их не напугать, их можно только стереть в порошок – и лишь тогда они остановятся.

Звон мечей. Лязг столкнувшихся доспехов. Снова звон – на пол летит взятый на излом сломанный вражеский меч, не выдержавший крепости нашего усиленного оружия. Скрежещут мечи по доспехам, два шлема разом ударили друг о друга. Черода ударов кулаками и коленями выбила из фигур рыцарей-соперников гулкий звон. Кто-то рвется ко мне и Рикару, другие пытаются их остановить.

В этот момент в почти что звериную схватку вмешался я. И вмешался самым рьяным образом, попросту ухватив одного из врагов ниргалов, безбоязненно приняв на грудь страшный по силе удар мечом. И сразу ощутил, насколько ниргалы отличаются от простых воинов – от удара я содрогнулся всем телом, от пяток до макушки. Меня будто кузнечным молотом огрели по груди. Дыхание не перехватило – грудная пластина толстая и мощная, ее так легко не прогнуть – но в ушах зазвенело. Меня это не остановило. Я продолжил начатое движение, резко ударил ногой, попав куда целился – по колену схваченного врага. И мы завалились – я падал спиной назад, обеими ладонями схватившись за шлем противника и тяня на себя. Шлемы ниргалов закреплены жестко, но они не одно целое с доспехами. Мне удалось отклонить шлем так, чтобы между ним и спинной броней приоткрылась крайне узкая щель. Рикару этого хватило – с диким ревом он вбил лезвие топора в открывшийся зазор, пробив заточенным до бритвенной остроты лезвием кольчугу, разбив и смяв ее, а затем добравшись до живой плоти и сотворив с ней то же самое – разрезав, раскромсав и разбив. Тяжелый шлепок и легкий неприятный хруст, ниргала затрясло в ужасной судороге, он забил руками, ногами, заколошматил шлемом по моей груди, я услышал тихий хрип доносящийся из глухого шлема. Тычком свалив его с себя, я обеими ногами ударил по коленям следующего противника, но на этот раз откатился – лишь бы повалить. Удалось – взмахнув руками, враг упал на оба колена, попытался подняться, но на его голову обрушился град ударов, что уподобило его голову кузнечной наковальне. Улучив момент, Рикар вдруг откинул топор, выхватил что-то из-за пояса и рванул вперед. Удар,... отпрянувший здоровяк шагнул к еще одному прижатому к стене Одноруким врагу, нанес новый удар, странно и резко несколько раз дернул локтем ударной руки. Я ничего не понимая застыл – оба «приласканных» им ниргала повалились, затряслись, гребли руками пытаясь встать, били ногами в каменные стены, выбивая в них дыры и награждая нас горстями щебня. Но это агония.... Или нечто сильно на нее похожее.

Рикар подобрал топор, поставил стоймя, оперся о топориче и тяжело выдохнул:

– Снова собеседника разговорчивого не сыскали, господин. Эти немцами оказались....

– Чем ты их?

– А вот.

«А вот» оказалось тонкой, но страшно иззубренной длинной спицей посаженной на короткую толстую рукоять. У Рикара таких было две. И по каждой такой вот спице он воткнул в узкие смотровые щели вражеских ниргалов. Не просто воткнул – Рикар медленно показал как именно он ударил и я содрогнулся – опытный ветеран вонзил иззубренные спицы и подергал их там, в глазнице и мозге врага в разные стороны, буквально взбалтывая содержимое их голов. Так старательная хозяйка взбалтывает в миске пару яиц для омлета.

– А спицы кое чем смазаны вдобавок – пояснил Рикар – Особым отцовским рецептиком. Он сам его в свое время придумал, сам и довел до ума на разных... разных людишках. Как он говаривал, на сороковом покойничке рецептик дорабатывать уже не надо было – действовало отлично и быстро.

– Вижу – ошарашенно кивнул я, глядя на двух еще живых, очень даже живых, но бешено трясущихся ниргалов, над которыми склонились два таких же воина и выжидали момента для нанесения последних ударов милосердия. Хотя тут как посмотреть – эти гады такие живучие, что могут пережить тяжкое повреждение мозгов и отравление особым «рецептиком». Но кем же был папаша Рикара?

– Стой – вздрогнул я, снимая шлем – я и не помнил когда одел его. Уже привычка появилась.

– Стою, господин?

– Спицы эти твои... – никак на этих соколиков приготовил, злыдень ты? – я указал на Шрама и Однорукого.

– А на кого ж еще? – фыркнул здоровяк, ничуть не смущаясь ни моего взгляда, ни присутствия тех, «на кого точился топор» – Я господин не такой как вы. Ой не такой.

– Это какой не такой? – буркнул я, сдирая с одного трупа черный плащ и вытирая доспехи начиная с груди и ниже – меня залил из перерубленной шеи тот ниргал, кого я уронил первым.

– А такой! Я не забыл, что эти ребятки посланы к нам совсем не другом. Сегодня они слушают нас, выполняют все верно и быстро, а завтра получат приказ от настоящего хозяина и вот тогда хлебнем мы лиха, когда эти непрошибаемые образины начнут нас вырезать.

– Да уж.... Ну ты.... Нет, все верно, конечно, но....

– А что такого? Я не скрываясь делал. Даже объяснил им – пожал плечами Рикар – Это дело такое, господин. Настоящий воин всегда поймет. И они меня поняли – по глазам их видно было. Но вот ведь поразительно...

– Что?

– Яд отца моего губителен страшно. Он мне его завещал, а так же велел, никогда и никому не раскрывать секрета. Ибо погибель в одной капле кроется. Говорю же – на многих приговоренных людишках опробовался, благо их разрешения спрашивать не надобно было. Воистину ниргалы живучи безмерно....

– Слушай, твой отец кем именно подвизался? – не выдержал я – Однажды уже спрашивал как-то, но ты ответил расплывчато.

Спрашивая, я осматривал себя и союзников. У Рикара короткая и неглубокая рана ладони – я не видел как он получил ее. Ниргалы с виду целые, но отметок на их броне прибавилось будь здоров – их словно каменным градом побило изрядно. Если бы не магическое усиление доспехов и кольчуги под ними – исход битвы мог бы оказаться иным. Вон Шрам разрабатывает руку, пристально глядя на локтевое сочленение. Не иначе пропустил удар, и лишь сокрытая под железом кольчуга спасла локоть от увечья.

– А такая и работенка у него была, у отца моего – развел руками Рикар – Расплывчатая. Ну что, господин? Дальше что? Пока в коридоре тишина, но это ненадолго – сдается мне, что ниргалы как усиление шли к тем дверям, через которые мы вошли. Но этого мало. Так что послали их как тех, кто первым под руку подвернулся. А стало быть, и еще десяток другой воинов отправят вот-вот

или уже отправили.

– Быстро идем вперед – ответил я, сдирая одну из перчаток и опуская голые пальцы к ране на шее медленно умирающего врага. Крохи жизни из его тела перескочили в мое. Те же самые действия я повторил с остальными воинами, даря им упокое – отравленные, израненные, оглушенные, сбитые с ног, они все равно пытались встать и дать нам бой. Хватит.... Пора вам отдохнуть....

– Пошли – велел я и перешел на тяжелый бег – Не скрываясь. До первого поворота туда, а затем сразу обратно. Не погибать же здесь....

– Верно говорите, господин Корис – выдохнул Рикар – Но повоевали знатно! До первого поворота можно и пробежаться на радостях....

Так мы и поступили, вот только к моему удивлению, дальше бежать и не пришлось – мы внезапно оказались у самого сердца «странной горы» спрятанного глубоко под толщей земли и камня.

Мы вырвались из очень широкой дверной арки вырубленной в форме почти правильного круга. И буквально налетели на широкую стенку, в высоту достигающую моего живота, идущую по самому-самому краю глубокого провала.

Пропать?

Не будь стенка столь высокой, я бы мог и не удержаться, мог бы улететь вниз.

Так все же пропать?

Нет....

Яма поражает своей объемностью, своей широтой необъятной, но никак не глубиной. Щуриться в потемках не пришлось – света хватает. По стенам частой чередой идут медные чаши со стеклянным коническим навершием, над всем этим ярко горят толстые фитили. Какие-то необычные масляные светильники дающие удивительно много света. Еще один признак богатства.

И наличие яркого света дало мне отличную возможность оглядеться. Я замер в темном восхищении – иначе не назвать охватившее меня чувство потрясения.

По форме больше похоже на могилу, нечто овальное, тянущее так далеко, что я едва-едва различаю противоположный край ямины. Это в дальнем ее крае. Есть сторона и поближе – отчетливо подсвеченная такими же светильниками. Как есть овал, правда несколько неправильной формы. Внутри ямы ни пылинки – настолько все выглядит чисто убраным. И стены и дно «могилы» выложены квадратными мощными блоками из гранита – вот они, эти каменюги, притащенные сюда по песчаной дороге. Вот куда их разместили, вот где они встали плотно-плотно бок о бок, настолько плотно, что между ними едва угадывались щели. Кое-где виднелись полустертые и, несомненно, очень старые символы, остатки древней резьбы, части каких-то мозаичных рисунков. Я увидел и нечто странное – некоторые блоки выделялись более светлым оттенком, или даже цветом. Были блоки белые, красные, зеленоватые, полосатые – все как один каменные, все как один очень и очень старые, пережившие долгие века, это неоспоримо – я видел следы пролетевшего над ними беспощадного времени.

Эти камни не могли быть взяты из той же каменоломни, что мы уже видели. Нет. Невозможно. Совсем другой камень. Их привезли откуда-то еще. На них и резьба совсем другая – если судить по тем замысловатым изгибам непонятной символики. Прямо экзотикой пахнуло, чем-то заморским, восточным.... Откуда же привезли их сюда?

Почему разложили в таком диковинном порядке?

К чему все эти немыслимые старания?

Вот ведь проклятье....

Яма так огромна, что в нее вместились сотни и сотни тяжелых блоков стоивших многим рабам крови, пота и жизни. При этом я видел и пустые пока дыры квадратного сечения, еще не принявшие в свое лоно каменные блоки.

Работа еще не окончена, хотя и близка к завершению. Вот она чья-то великая затея, великая цель, ради которой все и случилось пару столетий назад. Теперь я был в этом твердо уверен. Насколько сильно уверен, что был готов поспорить на собственную жизнь. Это оно.

Нечто просто неопишемого масштаба, требующее для своего исполнения полной свободы действий, громадных средств, много живой силы и специальных умений. И в данном месте имелось все перечисленное.

Умелые гномы каменщики для которых вырубание и обтесывание гранитных блоков стало делом жизни – пусть и поневоле.

Мощная охрана действующая вместе со стихийными магами.

Подготовленное место, на которое было затрачено в свое время много золота.

И сейчас я стоял в самом сердце чьей-то кошмарной темной мечты.

Я попирал ногами чьи-то страшные грезы.

Почему?

Потому, что каждая частица моего усталого и много повидавшего тела кричала во весь голос о первородной тьме гнездившейся здесь. Эти блоки, эти части чего-то крайне древнего, давным-давно позабытого стараниями Церкви, их притащили сюда и с великой бережностью разместили в специальные места.

Кто-то медленно и кропотливо воссоздавал из обломков нечто цельное.

Можно сравнить с попытками скульптора собрать из разрозненных старых пыльных обломков что-то напоминающее целую скульптуру. И вот спустя долгие-долгие годы он близок к завершению своего труда. Я чувствовал и это – финал близок. Я ощущал дыхание, самое настоящее дыхание чего-то или кого-то терпеливо выжидающего своего момента.

– Ну как, господин? Стало понятней?

– Не особо – признался я без малейшей тени смущения – Но станет. Я разберусь. Надо время подумать.

– Вот его-то у нас и нет – глухо проворчал здоровяк, хватая меня за плащ и тяня к стене – Пора нам, господин, если только головы здесь сложить не хотим.

Причина его беспокойства была различима отчетливо – вдалеке я увидел вереницу зажженных факелов, медленнодвигающихся в нашу сторону. А вот и усиление охраны на заднем входе. Видать местные владельцы серьезно обеспокоились охраной.

– Прячемся – бросил я.

– Где?! – резонно возразил Рикар – Тут не схорониться негде.

– Тогда подпускаем их как можно ближе, затем начинаем отступать, оставаясь незамеченными, но так, чтобы слышать их разговор – выдохнул я зло.

– Ох и придумали же вы, господин Корис. Попробуем. Но ежели что – бежать придется во весь дух, а вслед полетят арбалетные болты. Да и красться вы не шибко сумеете, в этих доспехах-то.

– Шрам, Однорукий, двигайтесь вперед – приказал я и оба ниргала тяжело зашагали прочь, глухо стуча металлической обувкой по старому камню – Помогика разрезать плащ, Рикар.

– Обмотать ноженьки решили – сразу понял мою задумку ветеран – Не знаю приглушит ли – весите вы немало, а железо по камню бухает шибко уж громко. Но попробуем...

Рикар сомневаться сомневался, ворчать ворчал, а вот дело делать делал. И в считанные мгновения полностью обмотал мои ноги несколькими слоями черной материи. Ступать я стал гораздо тише, но до бесшумности было далеко. Однако до наших ушей уже успел донестись рокот голосов и эхо от шагов идущих вперед воинов противника. Они не особо пытались прислушиваться, хотя голоса звучали обеспокоенно. Рядом с ними я казался бесшумной ночной птицей, чем и воспользовался. Мы с Рикаром начали медленно отступать, подпуская к себе чужаков все ближе и ближе, до тех пор, пока я не начал отчетливо различать их слова.

Я не ошибся. Незнакомцы были обеспокоены очень сильно. Их голоса гудели, словно рассерженные пчелы, метались под высокими сводами подземелий.

– В этом нет нашей вины!

– Он разбираться не станет! Ты вчера на свет родился?

– Но в этом нет нашей вины! Мы десятилетиями исполняли все, как и было велено! Исполняли строго! Чтили его слова как заветы истинной веры!

– Лишний раз носа никуда не совали – поддакнул кто-то столь же обеспокоенный, как и первые два собеседника.

– А я будто не знаю! – недовольно прорычал самый громкий, в чьем недовольстве слышались нотки страха – Так что думаете? Тарис? Неужто и правда сам Тарис под стены наши пришел, за душами нашими явился из зловонной своей могилы? А ведь я предлагал еще двадцать лет назад – надо отправиться на север, к руинам старой столицы. Надо отыскать там гробницу принца и перенести сюда! А ряды шурдов проредить изрядно! Ведь есть у нас сила! И вот теперь настал час расплаты за лень и безмятежность нашу!

– Да кто ж верил в это? В то что Тарис восстанет? Только лишь шурды лбами о камень стучали.

– А верить стоило! Вот тебе доказательство – армия врага прямо у нас под боком! К штурму готовится!

– Это и страшно! Если не удержим рубеж, если допустим сюда врага.... То даже смерть в бою не спасет нас от наказания. Для НЕГО вытащить нас оттуда труда не составит. Сами ведаете.

– Ведаем.... Одна надежда на его скорейшее возвращение.

– Он сказал – скоро буду. Значит, уже в пути. Он скоро прибудет и разметает армию врагов в клочья. Нам же лишь надо продержаться до его прибытия.

– Что с гномами? С каменоломней?

– Они пришли со стороны каменоломни! Тех, кто там был, уж нет в живых.

– А с теми, кто в поселении?

– Оставить три десятка! Заковать в цепи, перевезти сюда сегодня же ночью. Самых сильных юношей. Только юношей.

– А остальных?

– Всех под нож!

– Уверен? Решать тебе, не спору, но как бы ОН не рассердился на такое. Работа еще не завершена, кто будет рубить камень?

– Трех десятков гномов хватит для завершения работы! Надо будет – нагоним шурдов! Разорим то людское поселение, что в пяти днях к востоку! Заставим их работать! А гномы... их лучше под нож, чем отдать врагу. А запирайте их здесь, всех от мала до велика... на это я не пойду.

– Будет исполнено.

– Этой же ночью.

– Этой же ночью – подтвердил второй.

В этот миг мы со здоровяком достигли места недавней схватки. Я едва не запнулся о тело мертвого ниргала. Переглянувшись с Рикаром, мы ускорили шаг, стремясь к выходу. До меня донеслись обрывки затихающего вдали разговора:

– Проверьте склады. Разбудите мертвяков. Да проверяйте с умом – будите только тех, на ком ЕГО метка стоит. Иначе быть беде, коли истинно Тарис нам противостоит – принц в свое время поднаторел в Искусстве, любого мертвяка на свою сторону перетащит. Смотрите мне!

– Проверим каждого. Будить всех? На многих уж и плоти не осталось почитай. Время беспощадно, сгрызло их тела почище голодных псов.

– Будить всех! Чую я, ждет нас впереди много лиха с этим войском.... Нет ли вестей от разведчиков?

– Вестей больше не поступало. Боюсь, судьба их незавидна.

– С ним был боевой маг....

– Да.

– Проклятье.... Терять мага в такой момент.....

– Что это?! – следующий крик был совершенно им по интонации. Встревоженным, испуганным, неверующим.

Незнакомцы добрались до мертвых изломанных тел своих бойцов. И взорвались яростными криками, воплями, подняли дикий шум, послышался топот шагов.

– Убиты!

– Все мертвы! Изломаны! Кто?!

– К выходу десятков! Живо! Проклятье! Спешите! Тут побывал их передовой отряд! Убили и отступили, поспешили за основными силами!

– Уже?! Уже началось?!

Грохот шагов становился все ближе. Много. Их было много. Но я не слышал тяжелого лязга вражеских ниргалов. Не ощущал их грозного эха.

Это был риск. Очень большой риск. К тому моменту мы с Рикаром уже были снаружи, стояли по бокам от дверного проема, полностью спрятавшись за камнем. За нами стояли ниргалы, выглядящие как стальные истуканы, служащие мрачным украшением. Впрочем, как и я сам. Среди нас лишь Рикар мог похвастаться «живостью» образа.

Но речь о другом – я пошел на риск. Проигнорировал безмолвные увещевания гримасничающего здоровяка. Хотя его бородатое лицо выражало такую злость, что меня чуть икота не схватила за глотку.

Топот шагов... ближе, ближе, ближе! Вот он уже совсем рядом.... И наружу вылетает двойка мужчин в доспехах и плащах, с железными шлемами на головах, с обнаженным оружием наизготовку. Их буквально вытолкнула прущая сзади толпа. Я пропустил почти десяток врагов. А затем с бешеным ревом ринулся на них, атаковав тех, кто был еще внутри, заставив их замереть от ужаса, когда перед ними появился грозный рыцарь, одним ударом вбивший свой меч в грудь первого попавшегося под руку. Я пробил его тело насквозь. Загодя обнаженной другой ладонью ухватил за щеки второго, вмиг выпив из него жизнь. Ударом ноги отбросил третьего, с небрежностью ударил плечом четвертого, хоть тот и пытался вонзить наконечник копья меж плечевых пластин моего доспеха. Я наказал его за высокомерие, свернув ему шею и выпив жизнь. Внутри меня радостно заворчала неведомая тварь получившая наконец пропитание – а она всегда была голодна и не помнила прежних угощений.

Моя атака заставила противника вздрогнуть.

Когда ко мне присоединились ниргалы и Рикар, противник начал пятиться, хотя ему на спины напирали остальные. А я дико завопил, отрубая голову следующему врагу:

– Пятый десяток! В атаку! Шестой десяток – копья к бою! Вперед! Вперед!

Понявший в чем дело Рикар яростно взревел как медведь:

– Пробиваем проход! Пробиваем! Не дать ублюдкам закрыться!

Я увидел, как в грудь Рикара ударило один за другим четыре стрелы, один арбалетный болт. Здоровяка пошатнуло, он отступил на шаг, но при этом остался невредим и со злорадным ревом вновь атаковал, раздробив топором коленные чашечки наглого арбалетчика вылезшего вперед.

Все это вместе, наш дикий напор, хриплые крики предвещающие подход основных сил, что существовали лишь в нашем воображении, непрерывные кровавые смерти соратников, их предсмертный визг, вонь взрезанных желудков

и выпавшие на камень кишки, подействовали на уцелевших врагов самым сильным образом, некоторых из них парализовав и сделал легкой добычей, других заставив удариться в бегство, и абсолютно всех заставив бояться. Этого я и добивался.

Развернувшийся Рикар вместе со Шрамом в несколько движений оружием ополовинили число выбежавших наружу врагов. Я «выпил» еще двоих, третьему разmozжил голову рукоятью меча, отчего его разлетевшиеся мозги обильно покрыли лица бывших позади него воинов. И снова крики! Вопли! В них слышалось сплошное отчаяние и страх, они ошеломлены. Их можно брать голыми руками. Но не это входило в мои планы – я жаждал заполучить говорливых собеседников, мне нужна парочка пленных и я их уже получил. А вот остальных надо прогнать....

Так и вышло. Но совсем иным образом. Расположенная сверху толстая деревянная решетка внезапно задрожала, затрещала, прогнулась вдруг и... сухое дерево разлетелось на части, вниз рухнули глыбы камня и целое море земли. Я вовремя попятился и мне удалось избежать участи быть похороненным заживо. Возможно тем из врагов кто был в задних рядах так же посчастливилось. А вот остальных накрыло ужасным саваном сотканным из земли и камня. Какая восхитительная смерть – я всеми фибрами ощутил тот ужас что окутал несчастных перед смертью. Это вызвало легкую улыбку на моем скрытом шлемом лице, быстро сменившуюся неудовольствием – лучше бы я убил их собственными руками, впитав их жизненную силу. Впрочем, мне удалось еще немного поживиться – в воздухе витали редкие искры энергии и я собрал все подчистую. Я голоден и редкие трапезы лишь приглушают, но не утоляют мой голод.

Развернувшись от переставшего существовать прохода, от заваленной двери, я взглянул на полученные трофеи. Трое. Трое ошарашенных врагов прижаты к земле. Один истекает кровью и жалобно стонет. Из чересчур глубоко рассечённого плеча хлещет яркая кровь. Это рану не назвать легкой.... И одним прикосновением я избавил нечастного от страданий. Оставшихся двоих это впечатлило весьма и весьма – в их выпученных глазах плескалось море чувств, но преобладали страх и удивление.

– Оглушить! – приказал я – И ходу отсюда! Думаю, наша вылазка закончилась неплохо. Осталось успеть на ужин и день считай удался.

– Вылазка? – прохрипел всем довольный Рикар, опуская плотно сжатый кулак на основание черепа одного из пленников – Это скорее штурм! За подобное деяние в имперской армии дают высокую награду! Денежное содержание до конца жизни!

– Ну, думаю, нам за это никто не заплатит – фыркнул я, снимая шлем и утирая лицо – Быстрее. Пора отсюда убираться. Скоро стемнеет.

– Поспешим – согласился здоровяк, оглушая второго таким же ударом – Поспешим....

Отступление пятое.

Ущелье....Клятое ущелье.

Оно встретило незваных гостей холодным оскалом иззубренных гранитных скал и ледяным дыханием завывающего внутри ветра. Солнце померкло едва всадники медленным шагом ввели лошадей в каменный мешок. Тяжелый сумрак укутал плечи чужаков, надавил им на плечи тяжким грузом, тихонько захихикал в их ушах, добавляя в вой ветра безумные нотки темного веселья....

Что за проклятая скала эта Подкова?

Что за темное страшное место? Они много повидали в своих жизнях, но это место пробирало до дрожи даже самых бывалых из них.... А ведь дорога все тянется и тянется вперед, петляет среди каменных обломков, среди куч битого камня, между редкими гнилыми пнями, среди бурой прошлогодней травы. Проход будто манит за собой – давай за мной, шагай, шагай дальше в ущелье, ни в коем случае не останавливайся....

Проклятое, воистину проклятое здесь место.... Вон и кони пугливо прядают ушами, вздрагивают при каждом шорохе. Тут самому Темному только место.... Впрочем, именно такого они и посланы сыскать – если не самого Темного, то его ближайшего наперсника выползшего из старой могилы где-то в этих землях....

Проклятье.....

– Эй вы! Стоять! Или видит Создатель Пресветлый – на ваши дурные головы обрушится столько камня, что от вас и мокрого места не останется!

Голос был зычен, властен, суров, преисполнен мрачной решимости и обреченного спокойствия. Поэтому передовой отряд чужаков остановился сразу же, остановился как вкопанный, жестоко рванув лошадиные поводья. И лишь затем все три десятка бывалых воинов подняли лица вверх, вглядываясь в узкое пространство промеж темно-серых гранитных стен неприветливого ущелья. Фигуру говорившего углядеть удалось сразу – он не прятался, стоял на самом краю обрыва, неподвижно застыв и смотря вниз с бесстрастностью каменного истукана.

– Мы посланы сюда властью и волей нашего повелителя лорда Доссара Ван Орус – молвил всадник восседающий на спине прекрасного буланого жеребца, бесстрашно глядя снизу-вверх на фигуру местного хозяина.

– Зачем? – стоящий вверху человек не стал уточнять ничего об имени лорда или его самом. Он первым делом поинтересовался о цели внезапного визита. Все верно – тут не оживленный торговый тракт, тут страшные Дикие Земли, где редко встретишь прохожих людей, только разве что в обличье разлагающих мертвяков.

Что еще важнее – едва стоящий наверху человек услышал слово «лорд», как на его суровом лице дернулись лицевые мускулы, он ощутимо напрягся, налился опасной настороженностью. Дикие Земли.... Здесь не так часто встретишь лордов – пожалуй, еще реже, чем обычных путников. А чтобы они еще кого-то посылали своей властью и волей.... Неслыханное дело для здешних мест.

– Мы... – всадник замялся на мгновение – Местные земли опасны. Наполнены темными тварями....

– У нас нет постоянного двора – последовал жесткий ответ, не оставляющий возможностей для дальнейших переговоров – И мы не привечаем чужаков.

– Кара Создателя уготована тем, кто оставит нуждающихся в беде.

– И я приму ее безропотно ради детей моих и близких моих. Но не стану пускать в наш дом тех, кто может оказаться бесноватыми псами, вооруженными острыми

мечами. Уходите туда, откуда пришли. Подкова не дает приюта чужакам!

– Ты смеешь отказывать лорду Ван Орус?! – взревел огромный детина вооруженный двуручным топором, висящим у его седла и едва не касающимся рукоятью земли – Не много ли ты возомнил о себе и своей обители, незнакомец? Лорду Ван Орус в приюте не отказывали и короли!

– А мы отказываем! Пусть отправляется к своим королям, раз они столь радушны к нему! Уходите! Разворачивайте лошадей и убирайтесь прочь! А иначе – вас ждет участь тех, кто переоценил свои силы! Взгляните на ту грудку камней слева от вас!

Всадники невольно перевели взоры левее, взглянули туда, куда указала рука стоявшего вверху широкоплечего мужчины. И увидели большую грудку пыльных камней покрытых старыми грязевыми разводами, трещинами, усыпанными щебнем и каменной крошкой. Откололся от стены ущелья кусок гранита и, рухнув на землю, рассыпался на части? Что тут такого?

Но вот один из них, самый седой, потерявший уж былую молодецкую осанку ветеран, хапнул ртом воздух, закашлялся глухо, указывая рукой чуть в сторону, прохрипел:

– Кости!

Кости.... Не просто кости.... Тут будто адские жернова поработали, перемолов целые груды костей на мелкие кусочки. Вон уцелевший кусок глазницы, а вон угадывается верхняя челюсть утыканная кривыми черными зубами. Вон целая россыпь пальцевых фаланг, а вон с пару десятков бедренных костей переломанных самым причудливым образом. Реберные остовы, позвонки, редкие куски гниющего мяса – позеленевшего давно уж и покрывшегося белесой слизью. Все щедро разбросано среди камней, прижато ими, разбито ими, вжато в землю ими.

– Здесь мно-о-ог-о-о люду полегло – на этот раз свистящим шепотом голос подал самый молодой парень с совсем еще юным лицом – Так еще смерть....

– Заткнись – оборвал его тот, кого по праву можно было назвать главой отряда – Кости и кости. Чего тут такого?

– Мы не меньше бывало наваливали – подтвердил старый ветеран – Но надо бы отойти....

– Погоди. Сейчас я этому крикуну на горе объясню....

– Стой – перебил его ветеран спокойным голосом – Здесь эхо гулкое. Разносится далеко и четко. Тот «крикун» слышал каждое твое слово....

– Услышал – подтвердил незнакомец, добавив в голос металла – Ваше время вышло. Уходите пока целы. И лорду вашему передайте – мы ссоры не ищем, но и гостей не привечаем. Идите своей дорогой, путники, да по сторонам поглядывайте – места здесь лютые, за каждым кустом и пнем беда хоронится, только и ждет случая, чтобы накинуться. Мертвяки, шурды, костяные пауки, прочие твари. Опасайтесь их. Пусть Создатель осенит ваш путь светом лучезарным....

– Спасибо тебе за предостережение доброе – процедил глава передового отряда, начиная разворачивать коня – Будем поглядывать.

– Бывайте, люди добрые – донеслось сверху, и широкоплечая фигура исчезла.

И в этот момент, когда всадники еще разворачивали коней, стараясь не задеть соседей локтями и коленями, да лошадиными крупами, тот самый молодой парень выкрикнул звонко и ясно вопрос, прозвучавший в темном ущелье будто предвестник беды:

– А не видали ли вы здесь его светлейшее величество великого и сиятельного императора Тариса Ван Санти, да будут нескончаемы дни его жизни и преумножится сила его многократно? Мы ищем его дабы преклонить колени и присяг....

– Заткнись! – рявкнул яростно старый ветеран, на беду оказавшийся слишком далеко от глупого юнца и не сумевший вовремя ударом жесткой длани по болтливому рту пресечь опасные слова.

Не успел.... Он просто не успел, а сиповатому старому голосу не сравниться с молодым звенящим голосом.

Сверху вновь послышался суровый голос, на этот раз переполняемый нотками разгорающейся ярости:

– Как-как? Его светлейшее величество император Тарис? Так ты называл мерзкое отродье восставшее из зловонной могилы?

– Постой, Древин, дай-ка я поспрошаю добрых путников... – оборвал его крайне жесткий голос и на край обрыва ступила высокая худощавая фигура облаченная в белоснежный балахон. Саму одежду было разглядеть трудновато, но вот перечеркнувшую одеяние широкую красную полосу не углядел бы только слепой.

– Искореняющий Ересь! – выдохнул ветеран и что было мочи в старой груди завопил – Уходи-и-им!

– Раз бежите – значит, есть чего бояться, верно? – спросил громогласно голос священника – Стойте на месте! Или я...

Но орущие всадники его больше не слушали. Спихивая друг друга на землю, сшибая с седел соседей, ударяя по чужим коням плетями, всадники стремились вырваться прочь из смертельной ловушки.

– Пред кем колени преклонить вздумали?! – гремел голос священника – Пред отродьем тьмы? Пред тем, кто взрезает животы невинных детишек? Пред тем, кто вырезает глаза женщин?! Пред служителем Темного?! Пред Тарисом Некромантом на колени пасть вздумали, проклятые еретики? Стойте на месте!

Куда там.... Отряд рвался прочь.

И с небес ударило немыслимо жаркое пламя, ударило ревущей злобно стеной, упало огненным саваном сверху, разом укутав в себя и людей и лошадей. К небесной синеве поднялся чадный дым наполненный воем умирающих людей, сжигаемых заживо. Дым был темен, дым был черен, дым заставлял кашлять и задыхаться.... А когда дым рассеялся, то посреди ущелья, там, где спадало пламя, появилось огромное выжженное пятно, посреди него тлели мертвые тела людей и коней. А рядышком, шагах в пяти, жалобно выл и катался по земле болтливый юнец, с диким ужасом смотрящие на свои ноги, от которых ниже

коленей остались лишь дымящиеся уголья..... Ему никогда больше не встать на ноги, не сделать ему самостоятельно ни единого шага....

– Поднять еретика наверх – сквозь зубы яростно произнес седой священник, сжимая пылающий красным огнем кулак и буквально стряхивая с него пламя – Поднять приспешника тьмы! Я буду говорить с ним....

– Как прикажете, отец Флатис – коротко склонил голову широкоплечий мужчина, а стоящий за ним гном кивнул – Будет сделано....

Медленно рассеивающийся дым поднялся до самых облаков. Издали за ним наблюдал восседающий на камне лорд Доссар Ван Орус, пережевывающий крылышко дикой утки, подстреленной охотниками час назад и тотчас же приготовленным личным поваром.

– Никак беда случилась с нашими разведчиками – сказал подбежавший воин в украшенной резьбой кирасе – Не к добру этот дым.

– Пошли второй отряд – велел лорд, не прекращая жевать – Пусть проверят.

– Слушаюсь.... Прикажете разбить лагерь?

– Да. И пошли людей во все стороны. Я желаю знать о каждом подозрительном следе оставленном зверем, человеком или иной какой тварью.

– Слушаюсь....

Глава шестая

Ночная беседа

Чем трудна беседа с врагом?

Всем.

Я многократно убеждался в этом тогда и уверился сейчас.

Ты собеседнику не веришь – ни единому его слову. Собеседник не верит твоим обещаниям – ни одному из них.

И отсюда простой вывод – по возможности надо все узнавать самому, дабы не пришлось прорываться через ложь и упорство плененных врагов.

С этой мыслью я и сломал указательный палец на руке пленного. Тот держался достойно – несмотря на мучительную боль сдержал крик, выражение глаз говорило лишь о глубоком презрении ко мне, а так же о бесстрашности и готовности умереть.

Да. Это достойный муж. Из тех про кого говорят «служит не за страх, а за совесть». У него четкие убеждения, он предпочтет отправиться в ад, но не стать предателем.

– Это так раздражает – признался я Рикару, сидевшему рядом и флегматично пережевывающего кусок вареного мяса.

– У него своя правда, господин, а у нас своя – пожал плечами здоровяк.

– Истина лишь одна! – прохрипел пленный – И она со мной!

– И что за истина? – осведомился я, отпуская чужую руку и вытирая пальцы тряпкой.

– Ваша Церковь и ваша вера – ложны!

– Запросто – спокойно кивнул я, усаживаясь рядом с Рикаром. Пленные не убегут – они надежно связаны. А мне что-то не хотелось выворачивать им руки из плеч, дробить колени и отрезать уши. Во всяком случае, пока.

Однако одного моего слова хватило для того, что вражеский воин изумленно на меня вытаращился.

– Ты не отрицаешь? Не защищаешь Церковь и веру свою?!

– А что ты знаешь о моей вере, чужак? – хмыкнул я – Ничего. Что ты знаешь обо мне? Тоже ничего.

– Но если не ради веры, не ради Церкви, не ради Создателя вашего – то тогда ради чего ты пришел сюда?

– О, поверь, если вот прямо сейчас мы оба попадем в руки священников, то именно я первым взойду на очищающий костер – фыркнул я, покосившись на второго пленника, пребывающего без сознания, лежащего шагах в тридцати поодаль, чтобы ничего не услышал, если он притворяется. – Еще недавно я был самым настоящим замороженным мертвяком с полыхающими глазами и неистребимой жаждой.... А отголосок молитвы Создателю вызывал у меня корчи и судороги агонии.

Мне не поверили. Снова. Тот же недоверчивый взгляд и презрительная усмешка. А затем усмешка пропала, равно как и недоверие в глазах – он наконец-то вспомнил. Оглушение прошло, и плененный враг вспомнил, как на его глазах я одним прикосновением «выпил» жизнь его друга, его соратника. Того, кто получил слишком глубокую скверную рану плеча. Впрочем, так могли не только некроманты, но и священники. Тут все решает сила нажатия....

– Ты....

– Ты расскажешь мне все – пообещал я – Не потому что ты не боишься смерти и боли. Нет. Не поэтому. А потому что я не отступлюсь, потому что я не знаю чем мне заняться в следующие дни. Думаю заняться размышлениями. Часть времени я буду размышлять о том, как мне добраться до шеи Тариса Некроманта осадившего вашу гору. Часть времени стану посвящать беседе с вами. С тобой и твоим другом.

– Да кто ты такой? Кто? Если не преклоняешься пред Создателем....

– Преклоняюсь – перебил я его.

– Так ты веруешь в Церковь?

– Ну ты и тупой – устало покачал я головой – Или глухой. Я преклоняюсь перед Создателем, а не перед Церковью. Почему? Не из-за сладких речей промывших мне голову. А из-за той СИЛЫ которой обладает Создатель, одно обращение к которому заставляет нежить корчиться и бежать прочь. Всю свою жизнь я уважал, и буду уважать только силу. Не слова о силе, а именно силу – страшную и неодолимую силу, против коей я бессилен как букашка.

На меня уставились блестящие глаза изнемогающего от боли пленника – я успел сломать ему несколько пальцев, сломать жестоко, при этом, не вправив их обратно. Но пленник боролся. Держался. Старался отогнать туман боли прочь. Пытался сохранить голову трезвой. Это не рядовой воин, хотя его одеяния просты и практичны.

– Темный.... О самом Темном....

– Он силен – пожал я плечами, поняв вопрос – Очень силен. Но слабее Создателя. А ваша клика слабее Церкви. Сейчас священнослужители в белых плащах правят окружающим нас землями. Именно им принадлежит все. Пред ними склоняются короли. Падают ниц дворяне. Платят им великие деньги, даруют земли. Церковь на вершине сияющей горы, а вы где-то на задворках, прячетесь в темных углах как вшивые дворняги уже доживающие свой век. Поэтому я не особо переживаю, когда делаю очень больно таким как ты. Ну и главное – от Создателя я плохого не видел. Тогда как от подобной мрази как ты приходят лишь беды!

– Сначала тебе может показаться, что правильный путь слишком мрачен и ведет во тьму, но если взглядеться пристальней, если отмахнуться от лживых речей священников, от их поклепов на древнейшего и мудрейшего....

– Мне плевать – признался я с косой усмешкой – На все эти речи, увещевания, убеждения. Я лишь хочу отрезать голову Тарису Некроманту, а заодно избавиться от всего того, что с ним связано. Поэтому я отрежу и твою голову. Ну, может просто проткну твое сердце. Но ты все равно умрешь. А следом за тобой умрет и Тарис.

– Тарис это ничто! Я веду речь о великом....

– Мне плевать! – повторил я, доставая из ножен кинжал – Плевать. Плевать. Плевать. Я просто хочу убить Тариса. Это ведь так легко понять. Я спрашиваю еще раз – чем вы занимаетесь вот уже два столетия?

– На самом деле мне девяносто семь лет! – выпалил пленник – Подумай! Девяносто семь! А я выгляжу не старше тридцати! Немыслимо долгая молодость! Немыслимо долгая жизнь! И все это мне даровал.... А-А-А-А-А!

– Чем вы занимаетесь два столетия? – повторил я, вытаскивая острие кинжала из окровавленной глазницы воина – Уж прости, что без почтения к твоим седидам. Но ведь ты не седой.... Чем занимаетесь под горой?! Чем занимаетесь?! О, кажется, ты потерял и второй глаз....

– А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Изрезанный кусок мяса заговорил только ночью. Слушая его сбивчивые слова, я не испытывал ни малейших терзаний совести. Я испытывал лишь нетерпение. Потому что на очереди был второй пленник, с которым я намеревался поступить точно так же – подвергнуть его жесточайшим пыткам, после чего заставить говорить и внимательно выслушать. После же сравнить услышанное и понять, где ложь, а где правда...

Ранним утром, под неумолчное пение птишек, морщась от режущих глаз солнечных лучей, я сидел рядом с невысоким холмиком земли, где упокоились оба пленника, лежащих плечо к плечу. Яму я выкопал сам, равно как и перетащил тела, уложил их, после чего все засыпал. Я сам этого захотел. Такая работа позволяет мне погрузиться в размышления.

А мне было о чем подумать в то время как мои воины позволили себе немного тревожного сна, дабы восстановить силы.

Пойманные нами враги не сумели поведать слишком многого, ибо стоящие над ними люди не посвящали в важные тайны тех, кто не был близок к верхушке власти. Но они жили долго – каждый топтал землю почти по сто лет. За это время вольно или невольно причастишься ко многому, узнаешь многое.

Десятилетие за десятилетие сюда доставляли огромные каменные глыбы, привозимые со всех уголков мира. От заснеженных северных долин до южных жарких атоллов. Особые мастера, крайне уважаемые здесь, жрецы, после долгого обсуждения указывали куда именно поместить тот или иной камень. Причем для каждого куска камня был свой срок ожидания – некоторые глыбы мгновенно занимали свое место под горой. Другие же камни бывало несколько лет проводили снаружи, под снегом и дождем, дожидаясь своего часа. Случалось так, что вообще вся работа под горой останавливалась на три или даже четыре года, однажды все замерло на шесть с половиной лет. Причина? То неведомо. Но видимо так положено, ведь никто не проявлял злости или разочарования, все терпеливо ожидали. При этом каждую неделю проводились странные ритуалы с возжиганием огней, жертвоприношениями, всматриванием в мерцающие звезды, в стелящийся по земле серый дым, во внутренности еще живых жертв.

Во всех действиях прослеживалось истовость, фанатичность, уверенность.

За прошедший век сие важное место несколько раз посещали весьма и весьма важные особы, если судить по тому пиетету с которым вокруг них все носились. При этом важные особы лиц не скрывали, но как узнать кто он такой? Мужчины, средних лет. Однажды прибыла женщина выглядящая зрело, но при этом отличающаяся удивительной и ничуть не увядшей красотой. И перед ней склонились почти всех из здешней власти, разве что самый главный держался с ней запросто, на равных.

Кто здесь главный?

Истогвий.

Дядюшка Истогвий.

Кто таков?

Про него много слухов. Молвят, что рожден он на белый свет был больше двухсот лет тому назад. Выглядит крепким мужиком разменявшим пятый десяток. Именно мужиком, а не дворянином. Рожден в обычной семье ремесленника. А затем, как-то его судьба пересеклась с САМИМ, и все круто изменилось в его жизни. Сейчас он поставлен главным. И правит железной

рукой почти двести лет – во всех окрестностях этой горы. Над ней и под ней. Указывает воинам, работникам, пленникам и даже боевым магам. И его слушают. Потому как поставлен он сюда тем, кого послушаться нельзя. Поставлен самим. Никто не оспаривает его указаний. А приказы Истогвия отличаются мудростью, точностью, подробностью. Он не просто так держит в руках бразды правления.

Однако случилось так, что однажды приказ Истогвия пришелся не по душе одному магу из дворян, отвернувшемуся от Церкви и Короны, примкнувшего к ним.

Маг молодой, надо сказать. Дерзкий. К простолюдинам относящийся с презрением нескрываемым. Сам-то он из древнего, но обнищавшего рода происходил – причем во время настоящей старой Империи их род процветал, владел землями, лесами, горами. Но ничто не вечно и спустя века от рода осталось лишь знатное имя и множество застарелых врагов. Поэтому не удивительно, что не выдержавший насмешек юный маг предпочел отвернуться от нынешней Империи, от этого жалкого огрызка, а не страны. Но ненависть и презрение к простолюдинам он принес и в Дикие Земли. И поэтому был неприятно удивлен, когда узнал о том, что ему придется выполнять приказы обычного ремесленника, который сорок лет к ряду тачал лошадиную упряжь.

Надо сказать, что Истогвий человек спокойный. Даже чересчур. Поэтому, когда молодой маг с презрительной усмешкой отвернулся и пошел прочь, Истогвий остановил его мягким голосом и повторил приказ. И получил тот же грубый ответ. Более того. Маг развернулся, подошел вплотную к облаченному в серую посконную рубаху Истогвию, уставился в его спокойные глаза и при помощи изящных оборотов речи выразил свое крайне нелестное мнение о здешней власти. Истогвий остался спокоен даже в тот момент, когда его отца сравнили с грязным облезлым барсуком, а его самого с крысенком из вонючего помета помойной крысы.

Все случилось в тот миг, когда владеющий магией мальчишка выразил сомнение в здравости рассудка того, кто поставил простолюдина на столь высокое место. Мальчишка усомнился в решение Самого. И на его гордо выпяченную грудь мягко легла заскорузлая ладонь простолюдина. Открытая ладонь. Не ударила. А лишь мягко прикоснулась.

Парень отпрянул. Схватился за рукоять кинжала, злобно что-то закричал, в воздух взмыли капли воды со стен и пола, из кружек и тарелок воспарил отвар и суп – дело происходило во время обеда в общем трапезном зале. А парень владел даром управления водой.

В воду он и превратился.

Вернее сказать – в слизь. В красноватый студень обратилось его нечастное тело. Плоть за мгновения начала буквально стекать с его обнажившихся белых костей, дикий крик нестерпимой боли заполнил зал, когда парень схватился за свое лицо и оно спало с его черепа, обнажив ужасную ухмылку во все зубы и глазные яблоки. Кровь, крики, агония.

Но маг нанес последний удар – голову спокойно стоящего Истогвия окутал мутный водяной шар, повисший на его плечах волшебным образом и отрезавший доступ воздуха. К нему рванулись на помощь, но он пренебрежительным жестом отмахнулся, сквозь воду наблюдая за тем, как у его ног трясется в судорогах боевой маг, с шипением выдавливая из растекающихся легких какие-то обрывки невнятных слов – у него больше не было губ и языка.

Вот так вот.... Одно мягкое прикосновение к груди. И плоть в студень. И при этом никакого заклинания, никаких жестов – вообще ничего. Одно лишь прикосновение. Таков местный правитель Истогвий.

И он правит уже двести лет? Не оговорка ли?

Нет, не оговорка. Ему больше двух веков от роду, сам он родом из ныне мертвого и затопленного прибрежного города к северу отсюда. Там родился. Ну или так люди говорят. Здесь Истогвий с самого начала, почти двести лет. Кушает и пьет как все остальные. Регулярно. Со вкусом и аппетитом. Обожает блюда простые, не терпит сложных рецептов. Мясо посолить – да на сковороду! Вот его любимое блюдо. В общем – обычный совершенно человек, умный, спокойный, с плеча никогда не рубящий, не выходящий из себя.

И никаких странностей?

Ну, он никогда не болеет. Никогда не было такого, что он застудился к примеру или живот у него чтоб схватило – во всяком случае никто подобного не упомнит.

Ладно.... Ну а этот ваш САМ. Он кто?

Оба пленника, который я допрашивал по отдельности, при этом вопросе настолько испугались, что некоторое время вовсе перестали реагировать на окружающий мир. А когда пришли в себя, то крайне сильно удивили меня заикающимся признанием, что САМОГО они никогда и не видели вовсе. Слышали про него много, крайне много, а вот увидеть не довелось.

Почто так?

Так ведь не являлся он сюда. При их жизни так уж точно. Здесь за главного Истогвий. Он все решает. А когда осмелились его спросить – он с легкой спокойной усмешкой ответил, что великий жрец жив и здоров. И что он обязательно прибудет сюда, когда порученная им важнейшая работа начнет подходить к концу.

Вот оно как.....

После «дружеской» беседы я немного посидел на трухлявом мне с натугой выдерживающим мой вес. Я раздумывал над услышанным. Но раздумывал вскользь – времени в обрез. И сидел я лишь потому, что в это время все остальные спешно собирались.

Я не забыл про подслушанные нами слова о грядущей судьбе остальных гномов из рода Медерубов. И слова прозвучали по обыденному страшно «Всех под нож! Оставить только три десятка!». Так говорят о курицах, когда безжалостно сокращают их поголовье. Всего несколькими небрежными словами один человек обрек целый гномий род на смерть. Тогда как я совсем недавно пообещал Медерубов спасти. Причем любой ценой. И свое обещание я намеревался сдержать.

Вскоре мы покинули лагерь, так и не успев толком передохнуть.

Но какой тут отдых? Когда посеревшие от усталости гномы слышали страшную весть, то волшебным образом у них разом прибавилось сил и они вскочили на ноги, готовые преодолеть любые трудности. Я знал что это ненадолго, усталость

всегда берет свое. И поэтому надо поторопиться....

Мы отправились спасать женщин и детей, идя по краю громадной ямы с горой посередине, удаляясь от армии Тариса и от него самого.

Глава седьмая

Основа жизни – дети. Свободы дымной глоток...

Благодаря умениям моих людей мы быстро нашли нужное место.

Главное поселение расположенное недалеко от лесной опушки, на берегу полноводной реки, вокруг куда не глянь уже позеленевшие луга, видны и распаханное поля, там и сям лениво пасется скотина, кое где расхаживают деловито крестьяне, ведущие на узде рабочих лошадей тащащих телеги. Крепкие дома показывают небу черепичные и соломенные крыши, из труб тянутся к весеннему небу дымки – хозяйки торопятся приготовить обед, ведь вскоре мужа вернутся с полей и надо будет их немедленно накормить.

Обычная крепкая деревня с нормальными работающими мужиками не боящимися тяжелого труда.

Вернее так показалось бы, если бы не высящиеся посреди поселения железные клетки окруженные сторожевыми вышками. На каждой вышке пара стрелков – я отчетливо вижу луки и арбалеты. Вижу колчаны. Вижу самих стрелков, которых по двое на каждой вышке. И службу они несут из рук вон плохо – отвернулись от железных клеток, подставили лица теплым солнечным лучам, блаженно щурятся. Другой не дождался обеденного часа и начал трапезу. Следующего и вовсе разморило, он уронил голову на грудь.

За моей спиной нарастало ворчанье гномов увидевших свою вторую родину – все они были рождены здесь, достигли здесь возраста, когда можно держать в руках зубило, а затем были отправлены на далекую страшную каменоломню. Ворчанье медленно перерастало в рычание, грозящее смениться на яростный вой мужчин, знающих, что их матерям и дочерям подписан смертный приговор –

«Всех под нож!». Их уже заочно обrekli.

А я понял, что мне не удержать гномов здесь, в густом подлеске, в четверти лиги от околицы странной деревни. Но пока что Рикар и Литас справлялись с порядком, поэтому я продолжил торопливое наблюдение, стараясь выхватить и впитать как можно больше подробностей, могущих впоследствии оказаться крайне важными.

Около одного из длинных и явно «мужских» домов похожих на казармы, бродили брошенные только что оседланные лошади – животные в пене, бока их ходят ходуном, лоснятся от пота. Все три лошади, на боевой отряд не тянет. Да и для патрулирования по здешним местам народу маловато. А вот для тройки гонцов более чем достаточно – чтобы отбиться от врага и при этом доставить послание.

И я примерно догадывался, какого рода сообщение принесла тройка могильных воронов в своих поганных клювах – убить всех гномов.... Мы опоздали. Плохо. Теперь остается еще меньше времени в запасе. Подходящего момента выждать не удастся. Нам придется действовать немедленно.

Поэтому я просто встал и пошел себе вперед медленным шагом. Да, просто встал и пошел. А за мной потопали тяжко ниргалы, разом подскочили и заторопились следом коротышки гномы, намертво вцепившиеся в оружие. Ринулся Рикар, побежал Литас. Вопросов никто не задавал – какие тут вопросы?

Мы не видим толком металлических огромных клеток, где содержатся пленные гномы. Не видим подходов к ним. Все заслоняют дома. Прямо сейчас там может уже начали убивать, а мы просто этого не видим. Выжидать не получится, на разведку времени нет. Есть лишь два способа решения этой проблемы. Первый – пойти в атаку. Второй – развернуться и уйти. И нам подходил лишь один вариант.

Медленно прошагав сотню шагов, я перешел на тяжелый бег. А глаза продолжали бегать по домам и узким улочкам. Длинные дома выглядят пустыми – и я понимаю почему. Большая часть воинов сейчас находится у оставшейся за нашими спинами странной горы. Они готовятся противостоять Тарису и стягивают туда все силы. Здесь оставили небольшой гарнизон, и сейчас все зависит от того, насколько воины многочисленны и умелы. Магов я почти не боялся – вряд ли оставят здесь боевого волшебника, столь нужного в другом

месте. Помимо воинов здесь так же должны быть женщины – жены, просто спутницы. Почти наверняка найдутся здесь и дети – не рабы, не будущие работяги подневольные, а просто обычные детишки, сыновья и дочери здешних охранников и крестьян. Человеческая натура неистребима – мы всегда стараемся преумножить наше число. И всегда с любовью относимся к собственному потомству. И это дает нам еще больше шансов – ведь в подобной заварухе любой отец всегда постарается первым делом защитить жену и детей.

Кстати о заварухе....

Тревожный крик прозвучал в тот миг, когда я был в четырех десятков шагов от околицы. Само поселение огорожено, но не частоколом, а просто крепким забором высотой по пояс человеку. Такой разве что корову остановит. Хотя в паре мест я видел остатки более серьезных укреплений. Срыли за ненадобностью?

Я перемахнул через забор с легкостью, практически не заметив преграды. И сразу же словил грудью меткую стрелу, отнесясь к этому с привычной уже безразличностью. Выскочившего из-за двери стрелка я убил ударом меча. За моей спиной гремел несчастный забор – гномы пошли на штурм.

Круто обернувшись, я убедился, что весь мой отряд в пределах слышимости и во силу глотки проревел:

– Детей трогать не смей! Женщин – только если выбора не осталось. Детей же – не трогать!

После чего я рванул дальше, влетев в дом, прогрохотав через узкий коридор, вломившись в уютную комнату и, миновав визжащую женщину обнявшую девочку ребенка, выбил дверь и выскочил на крохотный дворик, отделенный от улицы невысоким забором. Тут цвели какие-то кусты, врыта в землю скамейка. Как мило....

Нащупав взглядом бегущих по улице воинов врага, я сразу обозначил наши намерения:

– Гномы! Отдайте нам гномов! Отдайте Медерубов!

Ответом стал жиденький и не слишком меткий дождь из стрел. Не двигаясь с места, жестом руки остановив рвущихся из дома союзников, я повторил свой крик:

– Отдайте нам гномов! И мы уйдем отсюда! Уйдем без боя!

Снова стрелы, с треском отскакивающие от брони. Снова арбалетные болты. И даже пара метательных топоров, от чьих ударов я едва заметно покачулся. Ладно. Придется показать серьезность намерений. Я пока не вижу больше трех десятков врагов и это радует – нет здесь больших сил противника. Нету. Не видно и боевой магии.

Выбив калитку, я в два прыжка догнал убегающего метателя топоров, схватил его за шиворот, остановил рывком, перехватил за шею и свернул ее, отбросив агонизирующее тело. На меня налетело сразу шестеро, зазвенели мечи, от яростных криков врага я на мгновение оглох, что не помешало мне насадить одного из них на меч, пробив его кожаную броню. От удара вражеского топора в голове зазвенело, следующий удар пришелся мне под колено, я шагнул вперед, чтобы не упасть, следующий мой удар ушел в пустоту. Вслепую отмахнулся, лезвие меча полоснуло что-то живое, истошно закричавшее и залившее дорожную пыль кровью. Еще один удар под колено, я с криком развернулся, ударил шлемом в лицо надоедливому парня, навсегда лишив его смазливости. Булькающий стон, парень рухнул вниз, но он еще не успел осознать, что отныне его нос похож на размазанный по лицу комок теста, как я уже опустил железный сапог на его затылок. Стон прервался, зато начали еще сильнее кричать прочие, обрушив на меня несколько тяжелых ударов, от которых я зашатался как дуб под ударами дровосеков. Твари....

– Отдайте гномов! – заорал я и, крутнувшись волчком, присел, после чего прыжком рванулся вверх и вперед.

Моя сила позволила преодолеть большое расстояние. Настолько большое, что один из воинов вооруженных арбалетом не успел увернуться. И секущим ударом я снес ему голову с плеч. Меня щедро залило кровью, я превратился в окровавленное воющее чудище. Что ж – в самый раз.

– Отдайте гномов! – кричу я, отрубая седоголовому мужику с большим мечом обе руки чуть выше запястий – Просто отдайте гномов! Отдайте!

– Отдайте! – подхватил и Рикар, снося затылок врага страшным ударом зачарованного топора.

– Гномов отдайте! – вопит Литас, спуская тетиву и поражая вылезшего на крышу стрелка с большим луком – Отдайте гномов!

– Гномов отдайте! – в ярости орет Тикса, подсекая топором колени завопившего воина с щитом и странно изогнутым тесаком – Отдайте! Отдайте! Отдайте! Н-на!

В лицо стоящего поодаль вражеского мечника влетает обычный с виду камень и тут же с треском разлетается на визжащие куски, превратив лицо в кровавую кашу, задев осколками камня еще нескольких противников.

– Отдайте гномов!

– Отдайте! – кричу я во всю глотку. Пока сопротивление терпимо. Но я уже перешагнул через тела двух скрюченных мертвых гномов – мои Медерубы из каменоломни. Они пришли домой и погибли. Но погибли в бою за правое дело, сражаясь за жизни своих родичей. О лучшей смерти нельзя и мечтать. Однако я не хочу терять еще больше соратников – Отдайте!

Удар моего меча разрубает голову следующего врага сверху донизу. Я дергаю рукоять, череп с хрустом расходится в стороны, мертвое тело рушится вниз. Хлещущим ударом другой руки бью по вражескому оружию отводя его в сторону. Перчатка слетает. Тоже неплохо – голой ладонью я цепляю за плечо замахнувшегося на Тиксу противника и тот мгновенно падает на залитую кровью землю.

– Отдайте! Отдайте гномов!

– Отдайте!

– Верните гномов!

– Верните наш род! Отдайте! Отдайте! – кричащий гном Медеруб в лютом бешенстве бьет и бьет по уже мертвому телу павшего от его неумелой руки врага, превращая труп в кровавое месиво из сломанных костей и разорванной

плоти. В другое время я бы его остановил, но сейчас это только нам на руку.

– Подумайте о своих детях! – следующий мой крик хрипл и громок, попутно я выдавливаю жизнь из молодого светловолосого парня, глядя как ужас в его расширенных глазах сменяется предсмертной дымкой равнодушия – Мы вырежем их всех! Отдайте нам гномов и мы уйдем!

– Забирайте!

Этот крик заставил меня остановиться. Я разжал руку, к моим ногам упал труп. Перешагнув через него, я взглянул на стоящего на расстоянии десяти шагов кряжистого мощного воина, чем-то походящего внешне на Рикара. Так же бородат и широкоплеч, так же вооружен двуручным топором.

– Забирайте и уходите! – повторил клич воин.

Услышавшие его слова чужие воины начали отступать, оттягиваясь в стороны.

– Если это ловушка! Если ты тянешь время, незнакомец! – прохрипел я, вбивая красный от чужой крови меч в чье-то тело – То я превращу деревню в пепелище, усыпанное обгорелыми костями всех ее жителей!

– Забирайте! Вот ключи! – к моим ногам упала тяжелая связка массивных ключей – Я отзову охранников и уберу нежить. Забирайте гномов и уходите! Нам все одно не по душе был отданный приказ! Негоже убивать детей! Негоже убивать женщин!

– Договорились – кивнул я, подхватывая ключи – Забирайте своих людей и уходите к реке. Самое малое на пять сотен шагов. Прямо сейчас. Все это время мы будем стоять здесь, мы будем ждать. А затем выпустим гномов, заберем их с собой и уйдем прочь.

– Да будет так! Мы не хотим умирать и не хотим видеть как умирают наши дети. Долго ждать не придется, чужак – считай, что мы уже ушли.

– Но пока что ты еще здесь – усмехнулся я, после чего с легкостью поднял тихо стонущего противника истекающего кровью и отбросил его на десять шагов к

ногам собеседника – Поторопитесь. Оружие оставьте при себе, но не вздумайте забрать с собой лошадей! Если увижу что со двора выводят хотя бы одну дряхлую клячу, то наше перемирие на этом закончится! То же самое касается телег – не трогайте! Просто уходите к реке! Прямо сейчас!

Говоривший со мной воин обжег меня яростным взглядом, но сумел промолчать и просто кивнул, подавая своим людям жест рукой. Прекрасно.

На этом наш разговор закончился. Через пять моих вздохов на улице не осталось никого кроме нас и трупов. Вдалеке слышались женские и детские крики. Что-то кричали и мужчины. Я увидел ковыляющих прочь стариков. Деревня пустела на глазах. Немаленькая деревня. Тут много дворов. Но защитников маловато – их всех отправили к пустотелой горе, а здесь никого и не оставили почти. Да уж.... Я всегда поступал полностью наоборот – защита поселения всегда наиболее важна.

– Лови – брошенная мною связка ключей упала в ладони Тиксы – И пойдем потихоньку. Перевязываемся на ходу. Потери считаем на ходу. Плачем тоже на ходу. У нас в запасе совсем немного времени и могу поклясться, что к основным силам уж послали пару гонцов.

– Слушаюсь, господин.

– Многих мы потеряли? – не выдержал я и задал самый главный вопрос.

– Трое лежат в пыли. Гномы. Еще пятеро ранены, из них один очень серьезно, но может и выкарабкается. Литасу пробило плечо. Но стрелять может. Тиксе располосовали бок, но неглубоко – острие меча попало в щель на доспехе. Жить будет.

– Все как всегда – мрачно вздохнул я – Кто-то да остается лежать в пыли. Рикар, нам нужны телеги и лошади. Как можно больше. И будьте настороже – не зря же поминали нежить. Да и ловушек может быть полно. Как и засад. Так что поглядывайте по сторонам.

– Да, господин Корис.

Через несколько сот шагов мы добрались до центра безымянного поселения и оказались на большой квадратной площади, сплошь заставленной железными клетками. При этом я не расслаблялся ни на миг – я прекрасно помнил, что местные обитатели используют нежить ничуть не реже шурдов.

Глупо рассчитывать на честность здешних жителей.

Как только они уведут подальше женщин и детей, стариков и калек, как тот самый воин с кем я договаривался, сразу спустит с поводка нежить, он сразу пошлет тварей по наши души. Потом и сам двинется туда же, собрав при себе всех боеспособных воинов. И нам придется сначала выиграть бой с умертвиями, а затем вступить в битву с людьми – которые уже не станут бояться за своих родичей и будут сражаться до конца. Ибо с них потом спросят более чем сурово, если они проявят трусость. Лучше пасть в бою, чем претерпеть жесточайшие пытки и умереть в долгой агонии.

Поэтому я спешил, как только мог. Времени в обрез.

Гномы! Гномы! Где гномы?!

Ответ предстал перед нами за следующим домом, когда мы увидели с виду обычную часть деревни, просто более бедную и огороженную со всех сторон железной клеткой. Тут было не много клеток, как я подумал в начале. Здесь была лишь одна огромная металлическая клеть, вмещающая в себя добрый десяток длинных общинных домов из дерева и камня. А рядом с домами неподвижно стояли их жители – десятки гномов, среди коих преобладали женщины всех возрастов. Мужчин же не было вовсе, если не считать за них детей мужского пола. Хотя, вон вперед протиснулось четыре мужика, держащих в руках дреколье. Это те самые кого отправляли на побывку домой ради восполнения численности рода Медерубов? Да уж....

Мне не потребовалось ничего говорить – радостно кричащие, бормочущие, плачущие и даже стонущие гномы с каменоломен ринулись к клетке и родичам. А те, узнав знакомые лица, бросились им навстречу.

Спустя миг мы стали невольными свидетелями трогательной сцены воссоединения некогда разлученных матерей и сыновей, мужей и жен, отцов и дочерей. Крик до небес. Протянутые между частыми прутьями руки вцепились в

одежду, в шеи, в плечи, теребят лица, волосы, слезы ручьем с обеих сторон. А вой! А крики! А стоны! Я почти оглох, с трудом удерживался от того, чтобы не сделать шаг назад. Стоящий рядом со мной Тикса шмыгал носом, утирался рукавом.

И его проняло.

И меня проняло – при виде целой кучи детишек мал-мала меньше!

Что мне с ними делать? С перепугу мне показалось, что тут целая сотня гномов!

Потом, когда проморгался, то понял, что с перепугу я недооценил численность рода и тут их гораздо больше чем сотня!

– Рикар! Лошадей! Собирай всех лошадей что есть! И коров если придется! Все повозки и телеги тащите сюда! – сиплым голосом приказал я – Запрягайте их, либо просто привязывайте веревками к оглоблям, сажайте в телеги детей и старух. Нам надо уходить отсюда как можно быстрее!

– Да, господин! Проклятье! Куда мы их поведем?

– Не знаю. Видит Создатель – я не знаю. То есть, куда именно их надо доставить я ведаю, но вот как именно это сделать понятия не имею. Но думать будем позже. Торопитесь! И не забудьте провизию! Гребите все подряд! Коров точно с собой берите – ради молока. Ты погляди сколько детишек.... Наплодили будущих рабов.... В первую очередь сажайте детей! А стариков – только если останется место для них. Ох... сам не верю что говорю такое, но если что – им придется остаться на верную смерть. Нет выбора. Никакого. Будущее детей важнее. Возьми с собой ниргалов. Их сила пригодится.

– Да, господин – мрачно изрек здоровяк и, круто развернувшись, зарычал – А ну за мной! Пока гномы лобзаются, нам надо притащить телеги! Да по сторонам в оба смотрите! Литас, ты куда прешься? Лезь наверх! На крышу любую! Шрам! Однорукий! Слышали, что господин велел? А ну мечи в ножны и за мной бегом!

– Тикса! – рявкнул и я, встряхивая за шкуру впавшего в ступор коротышку – Где тут ворота? Отворяй их! Или ломай! И заставь очнуться этих плакс! Немедля!

Нашли время слезами заливаться!

Возможно я был чересчур жесток. Но тут нужна твердость. Иначе потеряем время, завязнем в чувствах как в глубоком болоте. А затем будет уже поздно убегать....

Время! Время уходит!

Очнувшийся Тикса шустрым колобком покатился к клетки, начал что-то кричать на гномьем языке, не стесняясь отвешивать пинка мужикам, что буквально окаменели в объятиях с родичами. По железным прутьям застучал обух топора, частым набатом ударяя в уши и приводя в чувства Медерубов.

Но не всех – как заставить рыдающую женщину оторваться от сына, которого она в последний раз видела больше десяти лет назад? Разжать ее намертво вцепившиеся пальцы может только грубая сила. Но кто осмелиться отдирать мать от ребенка? Только безжалостный скот, которому плевать на все. Таких здесь было трое – я и два ниргала. Но они говорить не могли. И посему именно мне пришлось разинуть рот и начать изрыгать страшные ругательства, проклятья и просто грозные рыки, заставляя и заставляя всех пошевеливаться.

И все равно дело тянулось очень медленно.

Распахнулись низкие ворота – настолько низкие, что гномам пришлось склоняться до земли, дабы выйти наружу. Человеку пришлось бы выползать. Один за другим на свободу боязливо выходили гномы Медерубы, выносящие на руках детей, поддерживающих стариков. Они выходили и мгновенно впадали в ступор – ибо перед их расширенными глазами больше не было частых прутьев решетки отгораживающих их от внешнего мира. Свобода. Бескрайний огромный мир открылся перед ними. И это вызвало не восторг, а страх. Ибо если вся твоя жизнь от рождения до смерти проходит в клетке, ты привыкаешь к этому и все новое и большой вызывает у тебя лишь ужас и нестерпимое желание спрятаться обратно в родную норку. Вот и сейчас многие вздрогнули и подались назад, уперлись дрожащими спинами в родичей, замедлили их выход наружу. И я, громадной мрачной статуей, шагнув вперед, с разъяренным криком принялся вытаскивать гномом наружу.

Опомнившиеся мужчины наконец-то начали помогать, что-то успокаивающе бормотали женщинам и детям, через силу улыбались. А позади нас уже слышалось ржание лошадей, скрип тележных колес. Запахло дегтем – двое воинов спешно и обильно смазывали оси, ибо если простоявшие без дела всю зиму телеги и повозки не привести в порядок, они далеко не уедут. А у нас путь впереди долог – хотя сама мысль о предстоящих трудностях вызывала у меня мучительнейшую зубную боль.

Поймав пробегающего мима седобородого гнома, я сказал твердо и отчетливо, дыша ему прямо в лицо:

– Мы еще можем уйти от врага. И если успеем уйти подальше, то они за нами не последуют – у них сейчас есть заботы куда важнее. Но все это сработает только в том случае, старый гном, если мы отправимся в путь прямо сейчас! Если же будете тратить время на трогательные объятия и ничего не значащие пустые слова радости, то так в обнимку и умрете от лап и клыков нежити! Ты понял меня, старый гном?

– Да-да! Я понял! Я все понял!

– Хорошо. Тогда сделай так, что вот прямо сейчас все твои сородичи оказались на телегах. И чтобы первые повозки тронулись в путь. Только в этом случае у вашего рода будет будущее. Тебе решать – умрут Медерубы сегодня или же продолжат жить дальше.

– Я все понял! Спасибо, друг Корис! Спасибо! – старого гнома лихорадило, покачивало – Я понял!

– Тогда приступай.

Как оказалось, я сильно недооценил силу жажды жизни Медебуров. Измученный двухвековым рабством, изнурительным трудом и вечным страхом гномий род не утратил желание жить. Над деревней повис невыносимо громкий рев на гномьем языке, седобородый гном кричал так, будто от этого зависела его жизнь. Впрочем так оно и было. Мужчины один за другим приходили в себя, отрывали от земли женщин и детей, тащили их к повозкам. Другие бросились на помощь с запряжкой лошадей. Третьи потащили скудные съестные припасы. Пятые делали что-то еще.

Наконец-то беспорядочная толпа пришла в движение. Наконец-то дело пошло на лад.

Но время!

Клятое время и не думало входить в положение. Оно и не думало замедлять свой ход! Что ж, я уже привык рассчитывать на самый худший исход.

Первые семь повозок тронулись с места и двинулись по направлению по улице ведущей к околице. Повозки забиты перепуганными детьми. За борта повозок уцепились руки матерей, детей постарше. Среди них мужики, поддерживающие матерей и жен.

Следом за ними, спустя немного времени, двинулось еще четыре телеги. На них опять дети – главное сокровище угасающего рода – а так же старики и беременные женщины, что уже не в состоянии ходить на далекие расстояния.

На далекие?

Проклятье!

Я отчетливо вижу, как женщины и старушки переставляют ноги – у них один и тот же шаг, неспешное волочение ног. Походка тех, чей мир настолько крохотен, что преодоление сорока шагов за один присест уже кажется немыслимым подвигом.

Тут в дело вмешался Рикар, сумевший оттащить мужиков от телег, напомнить им о главной функции мужского рода – защищать и оберегать! Вцепившиеся в топоры и мечи гномы стали разом выглядеть куда сильнее, куда более грозно.

Новые телеги пришли в движение. Они уже запряжены не лошадьми, а быками. Я доволен и этому. Мы не собираемся срывать в галоп. Для нас важнее непрерывное движение до самого заката.

Куда нам идти?

Когда видишь столько детей и женщин, то на ум приходит только одна мысль – домой.

И значит, нам надо двигаться на северо-восток, к столь далекой отсюда скале Подкова. Нужно продвинуться лиги на три-четыре сегодня. Затем переночевать, дать отдохнуть лошадям, восстановить собственные силы. И с первыми лучами солнца вновь отправиться в путь, пробиваясь сквозь весеннюю распутицу. А затем.... С началом третьего дня, они пойдут дальше уже без меня. Я останусь поблизости от намечающейся схватки – я вернусь сюда, к этой зловещей пустотелой горе, к месту будущей беспощадной битвы. И битва состоится обязательно! Я сделаю все, чтобы она состоялась. По обе стороны наши враги. И нельзя позволить им протянуть время, нельзя дать им шанс заняться переговорами вместо кровопускания.

Грохочущие телеги выстроились в длинную колонну. Мы покидали мрачное поселение оставив после себя порядочно трупов и нажив много новых лютых врагов. Что ж, и это не впервой. И к этому не привыкать. У меня вообще только это и получается неплохо – наживать проблемы и врагов. А вот с радостью и новыми друзьями дело куда хуже.

– Шевелите ногами! – повысил я голос, шагая в хвосте огромного отряда – Не сбавлять ходу! Смотреть по сторонам! Впереди у нас долгий путь! И поэтому не зевайте, если хотите добраться до конца дороги!

На меня оборачивались. И смотрели чаще всего с потаенным страхом. Еще бы – мощная фигура закованного в железо рыцаря шагает позади них как адский погонщик. И сопровождают его еще двое таких же, только безмолвных, но от этого не менее страшных. Ну, пока это добавляет им прыти, я ничуть не против такого отношения.

Вот и околица. Последние телеги вышли в поле и тяжело покатили себе дальше.

– Рикар! Что позади?

– Пока тихо. Но чувствует мое сердце – пустят они по нашему следу погоню.

– И я так думаю. Поэтому, давай-ка зажги пару костерков. Да посильнее пусть горят.

– Верно ли понял я, господин? Снова устроим пожар?

– Да, нам это дело привычное. Поджигай.

– С радостью. Литас! А ну тащи сюда свою хитрую задницу! Надо бы пустить пару огненных подарков по соломенным крышам и дощатым стенам!

– Да слышал я – отозвался глава охотников, уже успевший обмакнуть несколько стрел в горшочек с тем же дегтем, которым смазывали телеги – Ох и любо мне это дело – врагов без крова оставлять. Ну что? Можно?

– Давай – дал отмашку здоровяк, идущий справа от меня.

И Литас дал. По пологой дуге в небо ушло несколько дымящих стрел, без промаха нашедших цель, глубоко уйдя в соломенные крыши, в дощатые стены сараев, в бревна жилых домов, в заборы и в крыши сеновалов с остатками прошлогодней соломы.

– Скотину жалко – вздохнул Рикар, когда к небу потянулись первые звуки от всполошившейся скотины – Таких как мы поджигателей деревенские мужики на суд не сдают. Берут батога и сами дело решают.

– Да знаю я – фыркнул я, с удовольствием наблюдая, как вверх начал вздыматься первый дымный предвестник грозного пожара – Но здесь деревня не обычная, дружище. Здесь у нас проклятые душегубы плодятся. Сперва детишки невинные, а затем начинают гномов гнобить.

– Гномов гнобить – хмыкнул Рикар.

– Гномов гнобить – издал смешок и Литас, выпустивший последний огненный подарок.

– Гномов гнобить! – повторил Тикса, зачарованно смотрящий, как на крыше ближайшего к нам длинного общинного дома расцвел первый огненный цветок – Очень хорошо дело пошло! Горит ясно!

– Чтоб им было ненастно – буркнул я – Надеюсь, это их задержит ненадолго. А если в подполах у них содержалась нежить, то и ей бока подпалит, а может и накроет завалом из бревен.

– Ох.... собаки завывали. Они ж на цепях... – охнул Литас.

– Собак жалко – мрачно кивнул я – Но и они пусть горят. По нашему следу не пустят, на нас не натравят. Надо было их сразу под нож пустить.

– Много собак с собой увели – добавил Рикар и мощным тычком в поясницу придал ходу одному из отставших гномов тащащего на закорках большой узел с каким-то добром – Шевели окороками, мелочь бородатая!

Обернувшийся гном выпучился на здоровяка, а Тикса тут же добавил:

– Да-да, очень грубо. Рикар со всеми гномами так. Плохой он человека. Еще топоры ворует!

– Я тебе сейчас голову оторву! – пообещал здоровяк и удовлетворенно прищурился – Все. Два дома знатно полыхнули. Их уже не потушить. Разве что только на бревна растащить успеют, чтобы ветром пожар дальше не перекинулся. Но и дальше пара сараев уже занялась. А эти только-только назад возвращаются. Видите, господин Корис?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/dem-mihaylov/svet-vo-mrake>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)